

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

Санкт-Петербургский государственный университет

Пономарев Артем Денисович

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА НА ТЕМУ: «ЖИЗНЬ И
ТВОРЧЕСТВО ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА УБАЙД-И ЗАКАНИ
(ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАКТАТОВ «АХЛАК АЛ-АШРАФ» И «РИСАЛА-ЙИ
ТААРИФАТ)»**

Образовательная программа: «Востоковедение и африканистика»

Профиль: «иранская филология»

Научный руководитель: Дроздов Владимир Альбертович,
кандидат филологических наук, доцент

Рецензент: Ястребова Ольга Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение	3
Биография ‘Убайд-и Зākānī	4
Сочинения ‘Убайд-и Зākānī	14
История изучения ‘Убайд-и Зākānī	24
Трактат «Ахлāқ ал-ашрāф» («Этика аристократии»).....	30
Трактат «Рисāла-йи та‘рйфāt» («Трактат об определениях»)	35
Заключение	37
Приложение	38
Список литературы	67

Введение

Данная работа посвящена персидскому поэту ‘Убайд-и Зākānī (ум.772/1370–71). Его произведения имеют немалую популярность в Иране. Тем не менее, он и его творчество не получили достаточного освещения со стороны исследователей. В отечественной иранистике имеется всего лишь одна работа, посвященная ‘Убайд-и Зākānī, в остальных исследованиях по истории персидской литературы его имя лишь упоминается.

‘Убайд-и Зākānī можно справедливо считать одним из крупнейших сатириков за всю историю персидской литературы, даже несмотря на то, что сатирическая литература имеет глубокие исторические корни. Поэт жил в очень тяжелые времена для Ирана, был свидетелем интриг, кровопролития и почти не прекращающихся военных конфликтов. В такие исторические моменты всегда находятся люди, которые выражают разными способами свой протест и общественную позицию, и ‘Убайд-и Зākānī оказался одним из них. Однако положение этого поэта в персидской литературе достаточно противоречивое. На временной дистанции он находится между двумя крупнейшими персидскими поэтами Са‘дī и Хāфизом, и в большинстве исследований его имя кратко упоминается именно в этом контексте. В последнее время в Иране появляется все больше и больше работ, посвященных непосредственно персоне ‘Убайд-и Зākānī, что подтверждает актуальность этой работы.

Я поставил перед собой следующие задачи:

- 1) предоставить максимально подробные сведения о биографии и литературном наследии ‘Убайд-и Зākānī на основе доступных справочной литературы и источников;
- 2) проследить историю изучения жизни и творчества поэта;
- 3) рассмотреть, предоставив небольшой анализ и частичный перевод, два трактата ‘Убайд-и Зākānī «Ахлāқ ал-ашрāф» («Этика аристократии») и «Рисāла-йи та‘рйфāt» («Трактат об определениях»), чтобы привлечь внимание людей, увлекающихся персидской литературой, к творчеству и личности поэта.

Биография ‘Убайд-и Зākānī

Подробных сведений о жизни ‘Убайд-и Зākānī мы не имеем. Большая часть доступной информации содержится в «Тā’rīḫ-и гузйда» («Избранная история») (730/1329-30) средневекового историка Ҳамдаллāха Мустауфī (679—749/1281—1349) и «Тазкират аш-шу‘арā’» («Антология поэтов») (792/1487) персидского поэта Даулатшāх-и Самарқандī (841—896/1438—1491).

‘Убайд-и Зākānī родился в Казвине около 700/1300 г., и его семья была арабского происхождения. После завоевания Ирана она осела недалеко от Казвина. Современник ‘Убайда, историк Ҳамдаллāх Мустауфī относился к нему с большим уважением как к «высокочитимому господину» и автору «прекрасных поэм и прозаических произведений». Мустауфī добавляет, что Зākānī – потомок арабского племени Бāнū Ҳафāджа, которое поселилось в окрестностях Казвина задолго до рождения поэта. Также, согласно сведениям историка, члены рода Зākānī удачно себя проявляли в двух сферах деятельности: в богословии, науке и на службе, занимая высокие государственные посты. Сочинение «Тā’rīḫ-и гузйда», в котором содержится эта информация, было написано в 730/1329–1330 гг. Уже тогда ‘Убайд был известным и уважаемым человеком, а знаменитый иранский филолог XX века ‘Аббās Иқбāl, сделал вывод, что поэт родился примерно на рубеже VII-VIII вв.х./XIII-XIV вв.н.э.¹

Относительно предков ‘Убайд-и Зākānī Ҳамдаллāх Мустауфī рассказывает следующее. В 614/1217 г. атабек Фарса Са‘д ибн Зангī (правил 590-622/1195-1226) напал на султана Муҳаммада Ҳ‘аризм-шāха (правил 596-617/1200–1220), чтобы заполучить Ирак, однако был разбит и попал в плен. После освобождения он поехал в Казвин и временно остановился в доме ‘Умāд ад-Дйна Аҳмада Зākānī. Хозяин принял гостя с почестями, хотя и не знал, кто к нему приехал. Когда ибн Зангī отправлялся в Фарс с местным правителем, он пригласил ‘Умāд ад-Дйна с собой за его доброту и теплый прием. Там он получил во владение земли.² Возможно, именно этот случай сделал репутацию рода Зākānī высокой, и, может быть, из-за этого ‘Убайд всегда хотел посещать Шираз.

Полное имя поэта Низām ад-Дйн (или Маджд ад-Дйн, согласно Зāбīхуллāху Ҷафā³) ‘Убайдуллāх Зākānī. ‘Убайд – его «таҳаллуҶ⁴». ⁵ Неизвестны причины, по которым в разных

¹ Зākānī ‘Убайд. Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākānī (Полное сочинений ‘Убайд-и Зākānī). – Тегеран: Интишārāt-и китāбфурӯш-йи заввār, 1963. – С.3.

² Мустауфī Ҳамдаллāх. Тā’rīḫ-и гузйда (Избранная история). – Тегеран, 1957. – С.792–793.

³ Ҷафā Зāбīхуллāх. Тā’rīḫ-и адабийāt дар йрāн (История литературы в Иране). Т.3. – Тегеран, 1994. – С.963.

⁴ Литературный псевдоним, появившийся в стихотворениях персидских поэтов в XI в., но наибольшее распространение получил в XIII в. и позднее. ТаҳаллуҶ ставился в последнем, предпоследнем и реже первом бейте стихотворения.

⁵ Зākānī. Указ. соч. С.23.

источниках к имени поэта добавлены разные титулы: «сәҳиб-и му‘аззам» («Та’рйх-и гузйда»), «х^ваджа» («Тазкират аш-шу‘арā») и «сәҳиб-и а‘зам» (предисловие Насха Хаттй к дивану ‘Убайд-и Зākāнй). Обычно такие титулы добавлялись к именам людей, занимавших высокие посты, однако нет никакой информации относительно того, был ли поэт вазиром или нет. Только иранский ученый Са‘йд Нафйсй пишет, что поэт занимал некоторое время пост вазира.⁶ Также в некоторых источниках указывается, что ‘Убайд был судьей, но никаких доказательств этому не приводится. Точно известно, что поэт был уважаемым человеком и одним из самых значимых людей на службе правителей. Об этом нам сообщает Зākāнй в панегирике, адресованном музаффаридскому правителю Шāх-Шуджā‘ (правил 765-786/1364-1384) в 1366-67 гг., за несколько лет до своей кончины:

«Правители ко мне всегда милы: с самой юности моей до сей поры».⁷

Иранский филолог ‘Аббās Иқбāl писал, что титул «сәҳиб-и му‘аззам» поэт носил при жизни, однако в большинстве рукописей его имя указывалось как: «сәҳиб а‘зам ифтихār ал-ākāбир фй-л-имам Наджм ад-Дйн ‘Убайд аз-Зākāнй».⁸

О детстве и юности поэта нам также известно очень немного. Сам ‘Убайд упоминал в «Рисāлайи сād панд» («Трактат ста советов»): «В детстве я проявлял старание в изучении изречений ученых и мудрых людей».⁹ Кроме истории, литературы и арабского языка, ‘Убайд-и Зākāнй был осведомлен и в астрономии, так как известно, что в 767/1366 г. поэт переписал рукопись «Ашджār ва асмār» («Деревья и плоды») знаменитого ученого ‘Алй-шāха ибн Муҳаммада ибн Қāsима Х^варизмй (род. 623/1226), который также известен как ‘Алā’ Мунаджджим Бухārй.¹⁰ По словам ‘Аббāса Иқбāла, есть большая вероятность, что эта рукопись была написана ученым в подражание греческому астроному Клавдию Птолемею (100-170).¹¹ Даулатшāх-и Самарқандй отзывается о поэте, как о «гордости ученых мужей», но потом добавляет, что «во время правления шаха Абӯ Исхāқа (правил 740-758/1340-1356) ‘Убайд учился в Ширазе».¹² Такая же информация содержится в биографии поэта в первом печатном издании сочинений Зākāнй, составленном и изданном в Стамбуле в 1886 г. французским востоковедом Ферте¹³, в

⁶ Нафйсй Са‘йд. Тарйх-и назм ва наср дар йрāн ва дар забāн-и фāрсй тā пāйāн-и қарн-и дахум-и хиджрй (История поэзии и прозы на персидском языке в Иране до конца X в.х.). – Тегеран, 1965. – С.201.

⁷ Сәфā. Указ. соч. С.964.

⁸ Зākāнй. Указ. соч. С.23.

⁹ Зākāнй. Там же. С.51.

¹⁰ Сәфā. Указ. соч. С.970.

¹¹ Зākāнй. Указ. соч. С.24.

¹² Сәфā. Указ. соч. С.966.

¹³ Зākāнй ‘Убайд. Мунтахаб-и латāйиф (Избранные истории). – Стамбул, 1886. – С.3.

предисловии знаменитого иранского ученого Са‘йда Нафйсь к изданию «‘Ушшāқ-нāма» («Книга влюбленных»)¹⁴, а также в работах советских востоковедов И.С.Брагинского и М.Раджабова. Выдающийся иранский исследователь Зāбйхуллāх Ṣафā считает, что это ошибка, так как вполне естественно, что потомок рода, представители которого преуспевали в науках и на государственной службе, получил отличное образование, так что к тридцати пяти годам вряд ли мог быть безграмотным.¹⁵

Как уже было сказано, ‘Убайд писал в одном из панегириков, что правители всегда были к нему благосклонны. Однако есть один рассказ из поэтической антологии «Газкират аш-шу‘арā» Даулатшāха, согласно которому Зāкāнй не всегда пользовался благосклонностью со стороны правителей. Историк сообщает: «Рассказывают, что он [‘Убайд] написал трактат о риторике в честь шаха Абӯ Исхāқа и очень хотел представить его ему. Но ‘Убайду было сказано, что шах проводит время со своим шутом и не может принять его. Поэт очень удивился, что благоприятное отношение правителя достигается благодаря шутловству и непристойностям и что шуты стали его фаворитами в то время, как образованные и ученые люди лишены его благосклонности. Так и не получив аудиенции, ‘Убайд вернулся и написал это замечательное четверостишие:

«В искусстве и науках не будь столь умелым, как я,

Чтобы не презирали тебя великие, как меня.

Если ты желаешь благосклонности сильных мира сего, то

Выпрашивай бесстыдно, играй на лютне и будь распутником».

Друг осудил его, сказав: «Ведь ты настолько образованный и талантливый, зачем оставлять в стороне науки и добродетели ради распутства?». Поэт ответил ему этими строчками:

«Если возможно, очистись от наук;

Чтобы не потерять гроши, на которые живешь,

Будь шутом и изучи навыки обманщиков,

И тогда ты сможешь служить и великим, и мелким людям — кому пожелаешь.¹⁶

¹⁴ Зāкāнй ‘Убайд. ‘Ушшāқ-нāма (Книга влюбленных). – Тегеран, 1935. – С.9.

¹⁵ Ṣафā. Указ. соч. С.966.

¹⁶ Zakani Obeyd. The ethics of the aristocrats and other satirical works, translated from Persian by Hasan Javadi. – Piedmont: Jahan Book Co, 1985. – P.10.

Несмотря на то, что эта история правдиво описывает эпоху, когда жил ‘Убайд, однако она кажется маловероятной, если учитывать другие факты из жизни поэта. Так, нам известно, что Зākānī прибыл из Казвина в Шираз ко двору шаха Абӯ Исхāқа уже знаменитым человеком; поэтому можно предположить, что даже если он и не занимал важного государственного поста, ему вряд ли могли отказать в приеме.

В истории Ирана XIV в. известно множество междоусобных войн, которые приводили к подъему и упадку разных местных династий. В 653/1256 г. Хулагу-хан (правил 654–663/1256–1265), внук Чингисхана, пошел с войском на запад и уничтожил опорные пункты исмаилитов в горах Эльбурс. Два года позже он сверг династию Аббасидов (132–656/749–1258), которая правила более пятисот лет. Династия Ильханов (654–754/1256–1353), которую основал Хулагу-хан, просуществовала до 736/1335 г¹⁷. Хотя ее правление сопровождалось жестокостью и зверствами, некоторые ильханы, такие как Газан-хан (правил 694–703/1295–1304) и его брат Ольджейту-хан (правил 704–715/1305–1316), были покровителями искусства. Их столицы, Тебриз и Сольтание, были центрами культурной и деловой жизни. Ранняя жизнь ‘Убайда совпадает с правлением Абӯ Са‘йда Бахāдур-хана (правил 715–735/1316–1335). В годы, последовавшие за его смертью, на троне много раз сменялись кратковременные правители – ставленники соперничавших между собой джалаиридских и чупанидских эмиров, а в конце концов империя Ильханов распалась, и им на смену явились местные династии. Даже после нашествия Тимура (правил 771–807/1370–1405), эта борьба еще некоторое время продолжалась.

Среди династий, которые правили территорией Ирана во время жизни ‘Убайда следует отметить династии Инджуидов (702–754/1303–1353), Музаффаридов (713–795/1314–1393), Джалаиридов (736–836/1336–1432), так как с ними была связана жизнь поэта.

Очень интересная информация о них содержится в введении Гертруды Белл к «Poems from the Divan of Hafez»:

«Что касается времени рождения Хафиза, то следует сказать, что в начале XIV в. Фарсом со столицей в Ширазе управлял Махмуд-шах Инджу (702–734/1303–1334) от имени ильхана Абу Са‘ида (717–736/1317–1335) <...> После его смерти (т.е. Махмуда. — А.П.) Абу Са‘ид назначил шейха Хусайн ибн Чубана губернатором Фарса. Он предусмотрительно приказал схватить и посадить в тюрьму трех сыновей Махмуд-шаха, и в то время, когда их под конвоем вели по улицам Шираза в тюрьму, их мать обратилась к толпе с эмоциональной речью, стараясь пробудить приятные воспоминания о предыдущем правителе. Ее речь оказала нужное воздействие, и народ освободил ее сыновей, изгнав шейха Хусайна. Однако позже он

¹⁷ С 736/1335 по 754/1353 г. у власти находились различные соперничавшие ханы, поставленные Амиром Хасаном Бузургом Джалаиридом и Амиром Хасаном Кючюком Чупанидом (Босворт. Мусульманские династии – М:Наука, 1971. С.200).

вернулся с войском, которое ему дал Абу Са'ид и принудил Шираз к повиновению. Через один-два года после этих событий, в 1335 г., Абу Са'ид скончался, и мощь империи Ильханов сошла на нет. Затем наступил долгий период междоусобиц, конец которому положил Увайс I Джалаирид (правил 757–776/1356–1374), еще один потомок Хулагу-хана, захвативший власть. Он и его сын Ахмад правили в Багдаде, пока Ахмада не изгнали во время нашествия Тимура. Однако вследствие непрерывных междоусобиц значение багдадского султана заметно снизилось. После смерти Абу Са'ида Бахадур-хана Абу Исхак, один из сыновей Махмуд-шаха Инджу, сбежавший из плена шейха Хусайна, занял Шираз и Исфахан, в то время как Мухаммад ибн Музаффар (правил 713–759/1314–1358), блестяще проявивший себя как полководец на службе у Абу Са'ида, стал править Йездом.

В 1340 г. Шираз был осажден, и Абу Исхак Инджу был вынужден довольствоваться лишь Исфаганом. Однако через год он снова вернул себе контроль над Фарсом. Последующие годы правления в основном прошли в военных походах на Йезд, где Мухаммад ибн Музаффар и его сыновья усилили свое влияние. В 1352 г. правитель Йезда решил, наконец, пресечь попытки захвата города и повел войско в Фарс, осадив Шираз. Абу Исхак перед лицом опасности еще больше погрузился в разврат. Неуверенный в преданности жителей Ширази, он казнил половину населения города и намеревался также поступить и со второй половиной оставшихся жителей. Но эти меры не привели к желаемому результату. Один из предводителей запуганных жителей догадался о намерениях правителя и отправил ключи от города Шах-Шуджа', сыну Мухаммада ибн Музаффара, и Абу Исхаку пришлось уже второй раз искать убежище в Исфахане. Четыре года спустя, в 1357 г., его выдали Мухаммаду. Тот его отправил в Шираз, где Абу Исхак был обезглавлен перед руинами Персеполиса».

Примерно последние 40 лет жизни 'Убайд-и Зākānī связаны с правителями Абӯ Исхāқом, Мубāриз ад-Дīном Мухаммадом (правил 712–759/1313–1358) из династии Музаффаридов и его сыном Шāх-Шуджа' (правил 758–785/1357–1384). Поэт часто посвящал свои серьезные произведения правителям-современникам и их чиновникам. Хотя таких работ немного, но некоторые из них все же проливают свет на его жизнь.

Одно из его самых ранних произведений под названием «Навāдир ал-амсāl» («Редкие выражения»), содержащее множество мудрых высказываний и пословиц на арабском языке, посвящено Х'адже 'Алā' ад-Дīну Мухаммаду (ум.737/1337). 'Алā' ад-Дīн, покровителем которого был известный чиновник и историк Рашīд ад-Дīн Фадлаллāх (ум.717/1318), был вазиром Абӯ Са'йда всего лишь 6 месяцев в 720/1321 г., после чего он получил другой пост в Хорасане, где был убит в 737/1337 г. сарбадарами. Поскольку очевидно, что 'Убайд никогда не был в Хорасане, то произведение можно датировать 720/1321 г. Это объясняет тот факт, что к 730/1330 г. 'Убайд-и Зākānī уже был известным человеком (согласно труду Хамдаллāха Мустауфй).

Другого чиновника, которому поэт посвятил несколько своих работ, звали Рукн ад-Дйном ‘Амйд ал-Мулком, и он служил Абӯ Исхāқу в 746/1346 г. В одном стихотворении, адресованном Рукн ад-Дйну, ‘Убайд пишет:

«Уже прошло 12 лет с того момента, как моя счастливая звезда привела меня к вашему дворцу».

В другом стихотворении он помещает дату своего прибытия в Шираз из родного Казвина на десять лет раньше, то есть между 734/1334 и 746/1346 гг.

Первым правителем, которому посвятил свою работу ‘Убайд, был Абӯ Исхāқ, который также был покровителем и другом великого персидского поэта Хāфиза (726–790/1326–1389). Кроме панегириков, Зāкāнй посвятил правителю Ширази поэму «‘Ушшāқ-нāма» (750/1350).

Абӯ Исхāқ Инджӯ — любитель поэзии и наук, отличавшийся к тому же щедростью, собрал вокруг себя выдающихся поэтов и ученых. ‘Убайд в нескольких своих произведениях прославляет его правление и описывает Шираз как центр культуры и образования. В двух стихотворениях поэт упоминает знаменитый дворец, сооружение которого началось по приказу Абӯ Исхāқа в 753/1353 г. в Ширазе. Арабский путешественник Ибн Баттўта (703–778/1304–1377), который был там между 740/1340 и 750/1350 гг., сообщает, что в его возведении участвовали люди всех сословий в лучших одеждах, копая землю серебряными лопатами. Перед тем, как дворец, который мог бы соперничать по красоте с отреставрированным Тāқ-и Кисрā в Ктесифоне, должны были достроить, жизнь Абӯ Исхāқа трагически оборвалась.

Правление Мубāриз ад-Дйна Муҳаммада ибн Музаффара (правил 713–759/1314–1358) длилось недолго. Он был настолько безжалостным и жестоким человеком, что его сын Шāх-Шуджā‘ ослепил его и заточил в Қал‘а-йи сафйд в Фарсе. Несколькими годами позднее он скончался в Баме. Мубāриз ад-Дйна описывали как храброго и благочестивого человека и в то же время как жестокого, кровожадного и вероломного.¹⁸ Рассказывали, что как-то Шāх-Шуджā‘ спросил его, правда ли, что он убил тысячу человек своими же руками. Мубāриз ад-Дйн немного призадумался и ответил: «Чуть более восьмисот человек, если быть точным». В другой раз как-то к нему ввели двух заключенных, пока он молился. Мубариз ад-Дин взял меч, отрубил им головы и спокойно продолжил молитву. Этот случай отражен в «Мўш ва гурба» («Мышь и кот») ‘Убайд-и Зāкāнй, когда кот убивает и съедает мышь, а после отправляется в мечеть и произносит молитву. Действительно, бесчинства Мубāриз ад-Дйна не знали границ. Известно, что примерно в 761–762/1360–1361 гг., когда он управлял Исфаханом, Йездом, Бамом и Кирманом, для того, чтобы усилить веру народа, он собрал приблизительно четыре тысячи рукописей ученых и велел

¹⁸ Arberry A.J. Classical Persian literature. – London: George Allen & Unwin, 1958. – P.297.

их уничтожить.¹⁹ ‘Убайд был не единственным литератором, осуждавшим Муб̄ариза ад-Дйна. Мудрецы Ширази прозвали его «мухтасибом»²⁰ за то, что тот запретил пить вино. Х̄афиз говорит о тех временах так:

«Хотя вино и приводит в восторг, а ветер выветривает аромат розы,

Не пей вино под напев арфы, поскольку мухтасиб готов поднять тревогу,

Спрячь кубок в рукаве своего лоскутного одеяния,

А пока проливай кровь, как [вино из] горлышка графина,

Очисти слезами винные пятна на твоём плаще дервиша,

Поскольку сейчас время благочестия и воздержания».²¹

‘Убайд в большей степени, чем Х̄афиз, не одобрял правления Муб̄ариз ад-Дйна, и в 757/1357 г. покинул Шираз и направился ко двору султана Увайса Джал̄айир̄и (правил 737–775/1337–1374). В одной из своих замечательных газелей ‘Убайд описывает свои чувства того времени, говоря, что его «сердце истекает кровью» из-за того, что он покинул свой любимый город, поскольку угроза жизни не оставила ему другой возможности.²² Приблизительно пять лет он провел в Багдаде. Ш̄ах-Шудж̄а‘, который стал преемником своего отца, потерял Шираз вследствие действий своего брата Махм̄уда (правил 759–776/1358–1375) и после этого правил несколько лет в Кирмане, а в 766/1365 г. решил вернуть себе Шираз. Махм̄уд бежал в Исфахан и при помощи войска султана Увайса дал сражение брату, однако ни одна из сторон не одержала верх. В 776/1375 г., когда уже Махмуд и султан Увайс скончались, Ш̄ах-Шудж̄а‘ не только занял Исфахан, но и овладел землями от Тебриза до Багдада, тем самым став правителем большей части территории Ирана. Возможно, около 763–764/1362–1363 гг. ‘Убайд решил возвратиться в Шираз, однако ему не нравилось правление Махмуда, поэтому он присоединился к его брату в Кирмане. Через два года поэт вместе со двором Ш̄ах-Шудж̄а‘ вернулся в свой любимый город.

По информации из «Газкират аш-шу‘ар̄а’» Даулатш̄аха, в Багдаде, при дворе султана Увайса, ‘Убайд встретил его придворного поэта Салм̄ана С̄авадж̄и (700–778/1300–1377). Отношения у

¹⁹ Browne E.G. A literary history of Persia. In four volumes. Vol.3. The Tartar dominion (1265–1502). – London: Fetter Lane Press, 1928. – P.278.

²⁰ Чиновник, наблюдавший за соблюдением правил шариата.

²¹ Ibid. P.277.

²² З̄ак̄ан̄и ‘Убайд. Куллий̄ат-и ‘Убайд-и З̄ак̄ан̄и. – С.111–129.

них не сложились. Почти каждый исследователь упоминает о ссоре поэтов. Салмāн писал об ‘Убайде следующее:

«Адское создание и пересмешник ‘Убайд-и Зākānī

В тесной дружбе с нищетой и неверием,

Хотя он и не из Казвина, а деревенский уроженец,

Но он (глуп), как казвинец, о котором рассказывают в баснях».²³

И.С.Брагинский сообщает нам следующее: «Любопытен и очень показателен анекдот о его столкновении с Салманом Саваджи, крупнейшим панегиристом того времени при дворе Увайса Джалайрида. Салман высокомерно отозвался о Закани в руба‘и. ‘Убайд не стал тут же отвечать, как было принято, соответствующим стихотворным посланием. Он решил нанести Салмāну ответный удар стихом при встрече лицом к лицу. В Багдаде ему удалось встретиться с Салманом Саваджи, который, не зная ‘Убайда в лицо, не опознал его и спросил, откуда он родом. Закани ответил, что он – казвинец. Салман спросил, не знают ли в Казвине его, Салмана, стихов. Как же, отвечал ‘Убайд, там даже стихи про жену Саваджи знают, в которых она сама про себя поет:

«Я завсегдатай кабачков, кумир мой – вино,

Я у продавцов вина в кабачках – вечно в любовных утехах,

Волочат меня повсюду, как кувшин, то на одном плече, то на другом,

Передают меня, как бокал, из руки в руку».²⁴

Салмāн понял, что это ‘Убайд-и Зākānī, и позже извинился за свою сатиру против него. Позже ‘Убайд часто говорил: «О Салман, как же тебе повезло, что ты так быстро помирился со мной, тем самым избежав нападки моего язвительного языка»²⁵. В издании Ферте сообщаются подробности первой встречи поэтов. ‘Убайд прибыл в Багдад и увидел Салмāна Сāваджī со свитой в толпе народа возле кабака. Придворный поэт султана, озирая толпу, описал ее движение в одной строке, а ‘Убайд продолжил. И после этого Салмāн выяснил, кто перед ним, и затем услышал вышеназванные стихи.²⁶

²³ Раджабов М. Мировоззрение Убайда Зокони. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – С.43.

²⁴ Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. – С.352.

²⁵ Browne. Op.cit. P.234–235.

²⁶ Зākānī ‘Убайд. Мунтахаб-и латāйиф. С.4.

Эта история, представленная Даулатшāхом, не кажется правдоподобной, так как стих, приписываемый ‘Убайду, был найден в диване Нāсир-и Бухāрāйй, поэта XIV столетия.²⁷ Но тем не менее этот анекдот отражает остроумие и смелость Зākāнй, не смущавшегося присутствия влиятельных людей.

С приходом к власти Джалāl ад-Дйна Шах-Шуджā‘ суровые меры, введенные его отцом, были ослаблены. Кабаки снова были открыты, и на улицах вновь звучала музыка. Хāфиз писал:

«Арфа начала роптать: «Где тот возражающий?»»,

А бокал начал смеяться: «Где тот, кто запрещал?».²⁸

При взятии Исфахана в 767/1366 г. ‘Убайд был, вероятно, в свите Шāх-Шуджā‘ и посвятил ему стихотворение в честь победы. В другом панегирике, написанном в 771/1370 г., ‘Убайд говорит, что уже стар, а также о теплом покровительстве к нему правителя. Умер поэт между 771–772/1370–1371 гг.²⁹ Точно известно, что в 772/1371 г. ‘Убайд уже скончался, так как его сын в конце рукописи «Ашджār ва асмār» ‘Алā’ Бухāрй Мунаджджима, переписанной поэтом, отмечает, что она досталась ему по наследству.³⁰ По данным Зāбйхуллāха Сāфā, даты смерти поэта 771–772/1370–1371 предложены Мйрзой Муҳаммадом Сāдиқом Исфāхāнй (1018–1061/1609–1651) и Тақй ад-Дйном Кāшй (ум.1016/1607).

Несмотря на то, что некоторое время ‘Убайд жил в Ширазе и служил Абӯ Исхāқу Инджӯ, с Хāфизом он не был знаком. В стихах Зākāнй нет никакого указания на их встречу. Только несколько газелей ‘Убайда похожи на газели Хāфиза, однако крайне сомнительно, что они заимствовали их друг у друга.³¹

В предисловии к собранию сочинений ‘Убайд-и Зākāнй ‘Аббās Иқбāl восстанавливает некоторые детали биографии поэта путем анализа адресатов его произведений. Среди восхваляемых Зākāнй следующие лица:

1) Х’аджа ‘Алā’ ад-Дйн Муҳаммад

Ему ‘Убайд посвятил произведение «Навāдир ал-амсāl», написанное в 727/1321 г. на арабском языке, в котором представлены изречения пророков, мудрецов и поэтов.

²⁷ Zakani. Op.cit. P.15.

²⁸ Browne. Op.cit. P.279–280.

²⁹ Zakani. Op.cit. P.16.

³⁰ Зākāнй ‘Убайд. Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākāнй. С.25.

³¹ Зākāнй. Указ.соч. С.27.

2) Шāх Шайх Джамāl ад-Дйн Абӯ Исхāқ Инджӯ

Большинство панегириков Зākānī адресованы именно ему. Но в них, к сожалению, мало исторических подробностей. В 751/1350 г. ‘Убайд посвятил ему «’Ушшāқ-нāма». В 754/1353 г. поэт посвятил Абӯ Исхāқу касыду, в которой поздравлял его с возведением знаменитого дворца и говорил о правителе как о примере для подражания.

3) Рукн ад-Дйн ‘Амйд ал-Мулк — вазир Абӯ Исхāқа, сын Шамс ад-Дйна Махмӯда Сā‘ина (ум.746/1345)

После завоевания Фарса Абӯ Исхāқом управление своим государством правитель возложил на уважаемых людей: Шамс ад-Дйна Махмӯда Сā‘ина и Гийāс ад-Дйна ‘Алй Йаздй. Однако они не ладили друг с другом. Шамс ад-Дйн все же покорился сопернику и под предлогом получения наследства в Хурмузе отправился в район побережья Персидского залива. Оттуда подстрекаемый своим сыном Рукн ад-Дйном, он пошел с войском на Кирман, отвоевав его у Мубāриз ад-Дйна ибн Музаффара, но позже тот его схватил и в 746/1345 г. казнил. Неизвестно точно, когда Рукн ад-Дйн получил пост вазира у Абӯ Исхāқа, но есть сведения, что он уже являлся в момент гибели своего отца, так как в 746/1345 г. ‘Убайд посвятил ему касыду, поздравляя с началом службы. Относительно срока службы Рукн ад-Дйна в стихах Зākānī есть указание на 12 лет, эта информация содержится в қит‘а, написанном в 757-758/1356-1357 гг.:

«Уже прошло 12 лет с того момента, как моя счастливая звезда привела меня к вашему дворцу».

Благодаря этому указанию можно предположить, что поэт приехал из Багдада или Казвина в Шираз примерно в 746/1345 г. во время бунтов и мятежей после смерти Абӯ Са‘йда.

4) Султан Увайс Джалāйирй

Имеется несколько стихотворений, посвященных ему и написанных за год до смерти Абӯ Исхāқа. В то время султан правил территориями Арабского Ирака и Азербайджана. Однако в стихотворениях поэта нет указаний на какие-либо исторические события. Султан Увайс считался большим любителем и покровителем поэзии. Именно у него на службе произошла встреча ‘Убайда с Салмāном Сāваджй.

5) Шāх-Шуджā‘ Музаффарй

Последние годы жизни ‘Убайда пришлись на время правления Шāх-Шуджā‘ в Ширазе или Кирмане. На пребывание в Кирмане указывает одна из касыд Зākānī, написанная между 766–768/1365–1367 гг., а в 768/1367 г. в другой касыде поэт поздравляет своего покровителя с

завоеванием Исфахана. Возможно, в тот момент ‘Убайд находился там. Очевидно, поэтому Ферте указывает на Исфахан как на возможное место смерти поэта.³²

Сочинения ‘Убайд-и Зākānī

Причиной плохой изученности ‘Убайд-и Зākānī, возможно, является то, что он сам не стремился собирать свои произведения и не очень заботился о том, чтобы его сочинения дошли до следующих поколений.³³ Здесь будут представлены известные науке сочинения поэта с описаниями их особенностей и содержания.

1) Диван

Общий объем дошедших стихотворений ‘Убайда не превышает 3000 бейтов. Среди стихотворных жанров встречаются касыды, газели, таркйббанды, тарджй‘ банды, маснавй, қит‘а и рубā‘й. Итальянская исследовательница Даниэлла Менегhini сообщает более точные сведения: в собрании сочинений Зākānī под редакцией Маҳджуба (2000 г.) содержится 41 касыда, 4 таркйббанда, 140 газелей, 28 қит‘а, 58 рубā‘й и 3 маснавй (две коротких поэмы и уже упомянутые «‘Ушшāқ-нāма» и «Навāдир ал-амсāl» (полностью не дошла).³⁴ В некоторых исследованиях стихотворное наследие разделяют на серьезное и сатирическое, однако более подробной информации о том, что входит в каждую из частей нет. В стихотворениях очень мало намеков на исторические события.³⁵ Иранские исследователи очень высоко отзываются об уровне поэзии Зākānī. ‘Аббās Иқбāl ставит касыды ‘Убайда в один ряд с касыдами Хāфиза, газели наряду с ‘Ирāқй (610–688/1213–1289).³⁶ По тематике у поэта встречаются панегирики, любовная лирика, ощущается склонность поэта к суфизму, а также в нескольких касыдах содержится календарная лирика. Зāбйхуллāх Сāфā отмечает, что в касыдах Зākānī чувствуется влияние поэтов Санāйй (ум.1131) и Анварй (ум.1126), а в газелях – Са‘дй. Иранский ученый сообщает, что в газелях ‘Убайда не очень заметна любовная тематика – в них множество мотивов, как и в его рубā‘й. Также ‘Убайд часто использует прием «истиқбāl» — поэтического ответа на стихотворения поэта-соперника с соблюдением его размера и рифмы. И, наконец, в поэзии ‘Убайд-и Зākānī

³² Зākānī. Указ.соч. С.26–32.

³³ Zakani. Op.cit. P.32.

³⁴ Meneghini D. Obeyd Zakani // Encyclopaedia Iranica [electronic resource]. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/obayd-zakani>. Проверено: 01.06.2018.

³⁵ Сāфā. Указ. соч. С.974.

³⁶ Зākānī. Указ. соч. С.6.

замечают мощную энергию и силу, а также новаторство.³⁷ Однако никто не приводит конкретных примеров новаций, которые внес поэт в литературную традицию.

2) «‘Ушшāқ-нāма» («Кинга влюбленных») — маснави

Написано 2-го дня месяца раджаба 751/1350 г. и посвящено Абӯ Исхāку. Поэт сочинил это произведение, по его словам, за две недели. Написано размером хазадж.³⁸ Впервые было опубликовано отдельным изданием ‘Аббāсом Иқбāлом в 1321/1942 г. в Тегеране. Парвйз Атабакй, который выпустил первое собрание сочинений поэта с предисловием ‘Аббāса Иқбāла, приравнивает произведение к поэме «Хусрав ва Шйрйн» Низāмй-йи Ганджавй (536–598/1141–1209), а также к трудам Ғазāлй (450–505/1058–1111).³⁹ Забйхуллāх Сāфā добавляет, что в «‘Ушшāқ-нāма» помещено несколько бейтов из той же поэмы Низāмй-йи Ганджавй. Несомненно, также, что «‘Ушшāқ-нāма» Зāкāнй является подражанием одноименному маснави ‘Ирāкй. Это произведение ‘Убайда представляет собой любовную повесть, состоящую из 750 бейтов, в форме маснави со вставными газелями, две из которых сочинены Хумāмом Табрйзй (636-714/1238-1314).⁴⁰ У ‘Ирāқй воспевается мистическая любовь, а у Зāкāнй – страстная земная.⁴¹

3) «Навāдир ал-амсāл» («Редкие изречения»)

Произведение «Навāдир ал-амсāл» написано в 727/1321 г. на арабском языке, в нем представлены фразы пророков, мудрецов и поэтов, а также пословицы и поговорки. Было опубликовано лишь в 1321/1945 г. в собрании сочинений ‘Убайд-и Зāкāнй.

4) «Ахлāқ ал-ашрāф» («Этика аристократии»)

Этот трактат написан в 740/1339–40 г. «Ахлāқ ал-ашрāф» – самое знаменитое произведение ‘Убайд-и Зāкāнй. Это сочинение представляет собой сатирический трактат о нравственной распущенности современников поэта. Трактат состоит из семи глав, посвященных определенным добродетелям (мудрость, мужество, целомудрие, справедливость, щедрость, кротость, верность, стыдливость и т.д.). Каждая глава делится на две части: «запрещенное учение» – идеализированное понимание предками той или иной добродетели, «выбранное учение» – точка зрения современников поэта на этот счет. В «Ахлāқ ал-ашрāф» ‘Убайд-и Зāкāнй подражает витиеватой манере арабских и персидских этических трактатов. Кроме того, это сочинение – одно

³⁷ Сāфā. Указ. соч. С.977–978.

³⁸ Там же. С.975.

³⁹ Зāкāнй. Указ. соч. С.11.

⁴⁰ Сāфā. Указ. соч. С.975.

⁴¹ Meneghini. Op.cit.

из первых в персидской литературе, в котором коранические цитаты используются для создания сатирического эффекта. Более подробное исследование трактата будет дано в отдельной главе ниже.

5) «Рйш-нāма» («Книга бороды»)

«Рйш-нāма» — диалог между автором и бородой, которая символизирует утрату прекрасной юности. Произведение написано в стиле, напоминающем «Гулистāн» Са‘дй –рифмованная проза с вкраплениями в ряде случаев поэтических строк. Написано «Рйш-нāма» мастерски, однако из-за обилия коранических цитат и перегруженности реалиями быта произведение теряет свою прелесть при переводе. Оно основано на популярной теме, что у юных и красивых мальчиков бывает много любовников. Са‘дй затрагивает эту тему в своем «Гулистāне»: «Когда я был молод, как случается, ты знаешь, я полюбил одного красивого юношу». ‘Убайд со свойственной ему открытостью и юмором дает нам яркую картину сексуальной жизни своего времени: «Покупай турецких рабов по любой цене, если они еще безбородые, но продай их за любую цену, если у них начала расти борода». В тех же выражениях в XII веке правитель из династии Зийārйдов (305– ок.483/927–1090) ‘Унсур ал-Ма‘ālй (род.411/1021) в «Қāбўс-нāма» («Книга Кавуса») дает советы своему сыну насчет того, как покупать рабов обоих полов и когда заниматься с ними любовью. У них нет выбора, и им приходится покоряться страсти своих хозяев. Однако и красивые юноши соперничают друг с другом ради того, чтобы заполучить больше любовников. «Рйш-нāма» — легкое и остроумное произведение на эту тему. ‘Убайд-и Зākāнй советует: «Пока не наступит бедствие, связанное с бородой, используй время, как можно лучше». Хотя в других своих работах поэт выражает более твердую позицию по этому вопросу, упрекая лицемерных наставников в растлении юношей.⁴² М.Раджабов, описывая это произведение, говорит, что в нем поэт изображает феодальную аристократическую знать, чиновников и духовенство, прикрывающих свои неблагоприятные поступки большой длинной бородой, как ширмой благочестия и совести.⁴³

б) «Рисāла-йи сад панд» («Трактат ста советов»)

В «Рисāла-йи сад панд» ‘Убайд сатирически подходит к написанию книги советов. Произведение написано в 750/1349 г. и представляет собой сборник афоризмов, проникнутых цинизмом и чрезмерной иронией. Во введении Зākāнй упоминает завещание Платона его ученику Аристотелю как источник своего вдохновения. В свою очередь, это завещание Платона было переведено с греческого на персидский ученым Нāсир ад-Дйном Тўсй, которое он включил в свой

⁴² Zakani. Op.cit. P.22–23.

⁴³ Раджабов. Указ. соч. С.34.

«Ахләқ ал-нәсирий» («Этика Насира»)⁴⁴ Также Зākānī, по его собственным словам, был знаком с мудрыми изречениями, написанными на царской короне по приказу царя Ануширвана, которые вдохновили его на создание произведения «Рисāла-йи Ҷад панд».⁴⁵ Отсылка к таким источникам усиливает неприятие читателем этих советов, предлагающих нам усвоить безнравственные, выходящие за границы элементарной человеческой морали. Наставления автора начинаются достаточно безобидно, но затем постепенно достигают наивысшей точки сатирического эффекта.⁴⁶ ‘Убайд высмеивает публичных моральных наставников, вставляя такие самоочевидные назидания, как: «Не трать свое время», «Не порти хороший день», «Избегай смерти, поскольку ее не любят с древних времен». Затем он берется описывать шокирующие и иногда непристойные вещи: «Плодись внебрачно, чтобы твои дети смогли стать богословами, шейхами и фаворитами правителя» или: «Насколько возможно, избегай говорить правду, чтобы не наскучить людям и не раздражать их». 99-е наставление просит нас не осуждать сатиру и авторов-сатириков. Заканчивает трактат ‘Убайд с юмором: «Эти высказывания, которые дошли до нас от величайших людей... так что те, кто готов и хорошо предрасположен, могут извлечь выгоду из них».⁴⁷

7) «Рисāла-йи та‘рйфāt ма‘рӯф ба дах фаҶл» («Трактат об определениях» или «Десять глав»)

В «Рисāла-йи дах фаҶл» ‘Убайд-и Зākānī находит другой способ уличить пороки общества. Он делит произведение на десять больших глав, в котором содержится 238 сатирических определений и понятий, относящихся к религиозной сфере, политике, социальной сфере, частной и семейной жизни, и дает их толкования. Как и в других произведениях Зākānī, здесь присутствует краткое введение, в котором писатель подшучивает над литературой и богатым словарным запасом как незаменимыми вещами для мудрых людей. ‘Убайд ставит своей целью написать ряд определений, которые он предлагает людям выучить. Каждое слово в этом псевдословаре начинается с арабского артикля «ал», что повышает остроту сатирической направленности этой работы [Meneghini]. Язвительный тон и остроумный сарказм «Рисāла-йи дах фаҶл» делает это произведение запоминающимся. ‘Убайд пишет: «Судья – тот, кого проклинает каждый», «[Совершающий] правосудие – тот, кто никогда не говорит правду», «Девственница – слово, которое ничего не значит». Более подробное исследование этого трактата будет дано ниже в отдельной главе.

⁴⁴ Meneghini. Op.cit.

⁴⁵ Раджабов. Указ. соч. С.70.

⁴⁶ Meneghini. Op.cit.

⁴⁷ Zakani. Op.cit. P.19.

8) «Рисāла-йи дилгушā» («Веселящий трактат»)

Самое крупное по объему произведение ‘Убайд-и Зākānī. В него входят занимательные истории и анекдоты как на персидском, так и на арабском языках. Предваряет это масштабное сочинение интересное авторское предисловие, в котором Зākānī говорит читателям, что каждая история была написана вследствие несчастий и превратностей судьбы, которые возникали в его жизни, и что написание этих историй помогло поэту преодолеть мучения и страдания.⁴⁸

Произведение делится на две части:

а) «Дар лаṭāйиф-и ‘арабī» («Об арабских историях») — 84 анекдота на арабском языке, источники которых известны. По мнению Х.Джавади, их — 93;

б) «Дар лаṭāйиф-и фāрсī» («О персидских историях») — 139 анекдотов (их количество зависит от редакций, которые заметно отличаются друг от друга). Например, в редакции А.Халабī их 257, у Джавади — 266. Многие из этих анекдотов, вероятно, не принадлежат перу Зākānī, однако он их переработал и извлек из имевшихся у него арабских источников. Но этот факт не превращает ‘Убайда в подражателя, так как он только опирался на арабский материал, обрабатывая его творчески. Поэт изменил характер этих историй и их культурный контекст для того, чтобы они были понятны персидским читателям его эпохи. Также в этом произведении можно обнаружить невероятный талант ‘Убайда как переводчика.⁴⁹ «Дар лаṭāйиф-и фāрсī» можно разделить на три раздела. Первый состоит из анекдотов, которые уже были популярны при жизни ‘Убайда. В некоторые он добавлял сатирические элементы, а другие сами по себе уже были такими. Часть анекдотов содержит истории о Махмūде Ғазнавī (правил 388–421/999–1030) и его шуте Талхакe. Во втором разделе – истории о личностях, которые в большей или меньшей степени были современниками поэта. Некоторые из них были выступали в роли шутов, что не мешало им высказывать острые и критические мысли. Например, султан Абū Са‘йid, будучи пьяным, заставил прекрасного богослова ‘Адуд ад-Дйна Иджī (679–730/1281–1355) танцевать перед ним. Кто-то подметил: «О Маулānā, ты танцуешь не по правилам!». Богослов ответил: «Я танцую по приказу, а не по правилам». В другой истории тиран атабек Сулгур-шāх каждый год переписывал Коран и отправлял его в Мекку. Поэт Маджд Хамгār (607–686/1211–1287) сказал ему: «Вы хорошо делаете. Вы даже не читаете его. Вы отправляете его сразу в дом Божий». В третий раздел входят анекдоты о тирании и продажности людей в более прямолинейной форме. Например, кто-то как-то спросил у ‘Адуд ад-Дйна: «Как так случилось, что во времена халифов люди чаще претендовали на то, чтобы быть Богом или пророком, а сейчас нет?». Тот ответил:

⁴⁸ Meneghini. Op.cit.

⁴⁹ Meneghini. Op.cit.

«Наши люди настолько угнетены тиранией и голодом, что уже не думают ни о Боге, ни о пророках».⁵⁰ К тому же «Рисāла-йи дилгушā» можно расценивать как богатый источник информации о времени и людях самого разного положения в обществе. Анекдоты Зākānī выражают его видение действительности, так как они содержат множество конкретных ссылок на города, где он бывал, нравы и характеры людей, которые встречались ему на пути, а также на жизненные обстоятельства, свидетелем которых он был (например, его привязанность к жителям Ширази или его притворное смятение глупостью жителей Казвина).⁵¹

9) «Мактубāt-и қаландарāн» («Письма каландаров»)

Это сочинение написано в форме писем. Оно состоит из двух писем двух каландаров друг другу. Целями ‘Убайд-и Зākānī в этом произведении, очевидно, явились критика и насмешка над объединениями бродяг и пьяниц, притворяющимися истинными суфиями.⁵²

10) Сатирические стихотворения

Это поэзия, за которую поэт и получил прозвище «адский пересмешник». Объем составляет около 300 бейтов.⁵³

«Ахлāқ ал-ашрāф», «Рйш-нāма», «Рисāла-йи сад панд», «Рисāла-йи дах фасл», сатирические стихотворения, «Рисāла-йи дилгушā» и «Мактубāt-и қаландарāн» впервые были напечатаны французским востоковедом М.Ферте под названием «Мунтахаб-и лаṭāйиф-и ‘Убайд-и Зākānī» («Избранные истории ‘Убайд-и Зākānī») в Стамбуле в 1303/1886 г.

11) «Фāl-нāма-йи бурудж» («Книга гадания по созвездиям») и «Фāl-нāма-йи вухūш ва туйūr» («Книга гадания по зверям и птицам»)

В этих произведениях ‘Убайд-и Зākānī насмехается над теми, кто верит в то, что можно предсказать будущее, и над теми, кто старается это сделать любыми способами. Оба произведения впервые были напечатаны в 1321/1942 г. Второе состоит из 60 рубā‘й.

12) «Мўш ва гурба» («Мышь и кот») — касыда

⁵⁰ Zakani. Op.cit. P.20.

⁵¹ Meneghini. Op.cit.

⁵² Зākānī. Указ. соч. С.42.

⁵³ Сафā.Указ. соч. С.971.

Считается самым популярным произведением, хотя исследователи обычно в этом вопросе отдают пальму первенства «Ахләқ ал-ашрәф». Тем не менее, это единственное произведение ‘Убайд-и Зākāнӣ, переведенное на русский язык. «Мӯш ва гурба» — политическая сатира, где главные герои изображены в виде животных, и в то же время — это пародия на эпическую поэму «Шāх-нāма» («Книга царей»). В третьей главе «Ахләқ ал-ашрәф» ‘Убайд уже обращался к Фирдаусӣ (329–416/935–1020), искусно пародируя его язык, для того, чтобы изобразить моральную распущенность общества.

Многие годы политические и исторические отсылки в «Мӯш ва гурба» были предметом споров ученых, и тем не менее сложно сказать с точностью, что именно было объектом сатиры ‘Убайд-и Зākāнӣ. Мас‘уд Фарзād, который перевел произведение на английский язык, и ‘Аббас Иқбāl считают, что прототипом кота является деспотичный правитель Мубāриз ад-Дйн Мухаммад Музаффарӣ. Закрывание им кабаков и его показная набожность могли побудить ‘Убайда сделать его злодеем в «Мӯш ва гурба». Последующие исследования выявили, что это предположение имеет и другие подтверждения.

Очень много характеристик кота совпадают с личностью Мубāриз ад-Дйна. Он был задиристым человеком и был очень крупного сложения. Средневековый историк Хāфиз-и Абрӯ (ум.833/1430) писал: «Мубāриз ад-Дйн был болезненным, гневным, сквернословящим человеком и мог произносить такие непристойности, которые бы смутили даже погонщика мулов». В произведении кот сквернословит на турецком языке в адрес мыши, которую поймал за винной бочкой. Также он обрушивается ругательствами на короля мышей, когда тот его пригласил в свою столицу. Использование котом турецкого языка не случайно, так как известно, что матерью Мубāриз ад-Дйна была турчанка.

Р.Хумāйӯн Фаррӯх (1297-1379/1918-2000) — видный исследователь Хафиза обнаружил другие интересные факты относительно прототипа «кота». Согласно историческому труду «Матлā‘ ас-са‘дайн» («Восход двух счастливых звезд»), Мубāриз ад-Дйн невысоко оценивал отвагу своего сына Шāх-Шуджā‘ и называл его «никчемным котом». Очевидно, это была одна из тех фраз, которые часто правитель произносил, когда был раздражен. Кроме того, когда Мубāриз ад-Дйн был губернатором Йезда в 718/1319 г., он сражался в Кирмане с тюркским племенем под названием Наурузи. Во время сражения, которое напоминает одну из сцен «Мӯш ва гурба», его конь был ранен, и от плена его спас один из его военачальников. Мубāриз ад-Дйн убивает одного из предводителей племени и берет в плен другого. Достаточно странно, но последний имел

прозвище «гурба» (кот). Его поместили в железную клетку и с головой товарища, повешенной на шее, отправили к ильхану Абӯ Са‘йду.⁵⁴

Также Хасан Джавади сообщает, что современник ‘Убайда, поэт ‘Имād Фақйх-и Кирмāнӣ (ум.771/1370-71), научил своего кота совершать коленопреклонение во время молитвы. История о «лицемерном коте» напоминает кота ‘Убайда. Кот ест мышей, а потом, как истинный мулла, испытывает угрызения совести и клянется больше никогда так не делать. Но даже в своих молитвах он «открывает врата обмана и вероломства еще до того, как начнет рыдать». Все это напоминает Мубāриз ад-Дйна. Как было сказано выше, он отрубил головы двум заключенным, после чего продолжил молиться как ни в чем не бывало. Прежде чем пойти войной на тюркские племена в Кирмане, он их объявил неверными, а себя – защитником веры. Учитывая эти факты, можно уверенно сказать, что ‘Убайд-и Зākāнӣ в образ кота вложил личность Мубāриз ад-Дйна Мухаммада.

Также нам известно, что этими якобы неверными врагами были три каракитайские племена, обитавшие между Йездом и Кирманом: Умани, Джермай и Наурузи. По-видимому, они и есть те мыши ‘Убайда, которые пошли к королю мышей из-за тирании кота. На самом деле, эти три племена жаловались Абӯ Исхāқу, и тот отправил две тысячи всадников против Мубāриз ад-Дйна. Исход битвы оказался неубедительным, поэтому Абӯ Исхāқ отправил старого и красноречивого посланника, ‘Имād ад-Дйна Махмӯда, своего вазира и покровителя Хафиза, чтобы заключить мирный договор. И таким образом, эти племена снова остались под властью Мубāриз ад-Дйна. В первый раз войска Мубāриз ад-Дйна были повержены в битве, а сам он был пленен, но его освободил его военачальник, Тāдж ад-Дйн ‘Алӣ-шāх, после чего над племенами была одержана победа. В «Мӯш ва гурба» войска кота направляются в пустыню, а армия мышей идет из Исфахана. Встречаются они на равнинах Фарса. Видимо, ‘Убайд сделал из тех двух битв и, возможно, последнего случая с участием Абӯ Исхāқа одну битву, в которой угнетенные оказываются близки к победе, но все-таки терпят поражение.⁵⁵ Забйхуллāх Сафā считает, что ‘Убайд мог изобразить события того времени только в форме басни или сатиры, так как в обратном случае его могли схватить под предлогом нарушения шариата. Также в связи с возможными историческими аллюзиями в произведении можно примерно определить год его написания. Считается, что «Мӯш ва гурба» было написано в промежутке между 754/1353 (бегство Абӯ Исхāқа из Шираза) и 758/1357 гг. (гибель Абӯ Исхāқа в Ширазе).⁵⁶

⁵⁴ Zakani. Op.cit. P.21.

⁵⁵ Zakani. Op.cit. P.22.

⁵⁶ Сафā. Указ. соч. С.974.

Дж.Дорри называет ‘Убайд-и Зākānī первым поистине крупнейшим сатириком.⁵⁷ Многие другие исследователи поэта придерживаются того же мнения. Хасан Джавади считает, что у него остроумие и цинизм, как у Вольтера, а его гротеск, как в произведениях Рабле. Под его беззаботностью скрывается горечь и печаль. Будучи свидетелем похоти, обманов, лести, извращений, пренебрежения к традициям и добродетелям, жестокости и кровопролитий, ‘Убайд выражает свое возмущение в виде едких сатирических историй и злобно насмешливых афоризмов. Он пишет: «Будучи вовлеченным в разврат, супружескую неверность, сплетни, лжесвидетельства и игру в бубен, можно стать милым для людей высокого положения и наслаждаться жизнью».⁵⁸

Са‘ид Нафйси писал, что и Хāфиз и ‘Убайд постоянно сталкивались с лицемерием и обманом, однако каждый из них избрал свой способ реакции на это. Если Хāфиз постоянно жаловался, то Зākānī выбрал своим орудием остроты и непристойности. К этому он прибегнул, потому что не имел возможности открыто высказать все то, что накопело у него на душе против существующего в те времена зла, поэтому прикрыл свои мысли иронической формой изложения. Возможно, ‘Убайд иногда использовал порнографию в своих произведениях ради потворства вкусам общества. Но это лишь одна и не самая характерная особенность сочинений поэта.

Сатира ‘Убайд-и Зākānī уникальна тем, что в его сочинениях она занимает центральное место, в то время как в ряде других произведений классической персидской литературы можно найти лишь отдельные элементы сатиры и мотивы протестов.⁵⁹

По словам М.Раджабова, ‘Убайд противоречив в своем творчестве. Поэт в ряде своих произведений высказывал критические замечания по поводу религиозных обрядов, высмеивал духовенство, обличал ложь, скептически относился к речам духовенства об аде, рае и Судном дне. Но в главе о мудрости своего сочинения «Ахлāқ ал-ашраф» он утверждает совершенно противоположное. Автор обвиняет господствующую знать в непризнании того, что сам критиковал, объясняет их безнравственные поступки именно небоязнью Бога, ада, Судного дня, непризнанием бессмертия души, неверием в существование рая.⁶⁰ Хотя ‘Убайд выражает свои религиозные чувства лишь в нескольких произведениях, он заявляет, что ему не по пути с теми, кто использует религию для достижения каких-либо земных устремлений. Он насмехается над

⁵⁷ Дорри Дж. Персидская сатирическая проза. – М.:Наука, 1977. – С.44.

⁵⁸ Zakani. Op.cit. P.17.

⁵⁹ Дорри. Указ. соч. С.47.

⁶⁰ Раджабов. Указ. соч. С.74–77.

претензиями шейхов и проповедников на набожность. Он говорит: «Не верьте проповедям духовных лиц, чтобы не заблудиться и не попасть в ад». Для ‘Убайда «хаджджи» – тот, кто совершает паломничество и неискренне молится у Ка‘бы. В «Рисāла-йи дах фаṣл» поэт называет суфиев «дармоедами»⁶¹. Также он пишет, что как-то спросил один человек суфия, хочет ли он продать свое лоскутное одеяние. Тот отвечает: «Если рыбак продаст свою сеть, то как он будет ловить рыбу?» Тем самым ‘Убайд высмеивает возвышенный и таинственный слог суфиев, а также их претензии на соединение с Богом и достижение экстатического состояния. Хотя он и критиковал суфиев, но в то же время проповедовал мистические суфийские взгляды. В поэме «’Ушшāḡ-нāма» поэт сравнивает жизнь с кораблем: шах – капитан судна, его приближенные – команда. Но этот корабль – ненадежное пристанище в бурном море, поэтому ‘Убайд предлагает читателям отказаться от него. Поэт не видел выхода из существовавшего положения, свои надежды он возлагал на Бога как единственного спасителя, верил в существование лучшего «потустороннего мира».

В произведениях ‘Убайда, как и у других поэтов того времени, встречается образ «ринда», который достаточно сложный и многозначный. Это слово буквально означает «гуляка, пьяница, плут». Бāбā Кūхй (ум. ок.441/1050) впервые в истории персидской газели назвал своего героя «риндом», имея в виду, по-видимому, истинного суфия. В складывании такого типа героя можно предположить влияние суфийской школы «малāматййа»⁶² с центром в Хорасане. Внешнее проявление религиозности ее приверженцы называли «рийа» (лицемерие) и за нередко весьма вызывающим поведением скрывали свои убеждения [Рейснер: 64].⁶³ Именно полное неприятие внешней суфийской атрибутики (внешний вид, поведение) являлось их главным отличием от других суфиев. Однако подобные принципы имели и люди, которые не были приверженцами «малāматййи», но которых начали принимать за них, наблюдая за их поведением. Поэтому постепенно приверженец «малāматййа» и «қаландар» (член ордена «қаландарийа») стали синонимичными понятиями.⁶⁴ Представитель «малāматййи» должен был вызывать своим поведением порицание окружающих, чтобы скрыть свои устремления по приближению к Истине. У Хāфиза положительные качества «ринда» – качества истинного суфия. Через этот образ поэт выражает большинство философских идей. «Ринд» Хāфиза отрицает мораль аскетов, мухтасибов, проповедников и других представителей духовенства. Основным его антагонистом выступает аскет, поэт противопоставляет чистосердечие «ринда» и лицемерие аскета.⁶⁵ ‘Убайд

⁶¹ См. Приложение.

⁶² От арабского «ملازمة» — «порицание».

⁶³ Рейснер М.Л. Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века). – М.:Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С.64.

⁶⁴ The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol.6. – Leiden: E.J.Brill, 1990. – P. 224–225.

⁶⁵ Рейснер. Указ. соч. С.201–205.

точно так же выражает свое отношение к суфиям. Ценит поэт только тех, кто честен, чист сердцем и презирает лицемерных аскетов.

По мнению М.Раджабова, в работах ‘Убайд-и Зākānī, в частности «Ахлāқ ал-ашрāф», можно обнаружить идеи греческой философии. Во введении поэт упоминает об учении о четырех добродетелях, взятом из сочинений Платона (428/427–348/347 до н.э.). Согласно ему, добродетели опираются на свойства души: мудрость — на разум, мужество — на волю, умеренность — на преодоление чувственности. Справедливость является сочетанием трёх предшествующих добродетелей. Платон считает, что каждое сословие имеет свою добродетель: у философов-правителей — мудрость; у воинов — мужество; у земледельцев и ремесленников — умеренность, а справедливость является общегосударственной добродетелью.

Как было упомянуто выше, ‘Убайд не заботился о сохранении своих сочинений для последующих поколений. Но исследователь Дж.Дорри считает, что сатира Зākānī, будучи направленной против определенных социальных слоев, поднимается до уровня гневного вызова социальному неравенству. И, возможно, именно поэтому она казалась опасной носителям феодально-аристократической культуры в последующие века. Быть может, именно поэтому авторы поэтических антологий изображали ‘Убайд-и Зākānī всего лишь шутником и балагуром. Отголосок этого убеждения, по мнению Дорри, проник и в востоковедение, так как очень долгое время поэт не считался почтенным литератором, заслуживающим серьезного внимания.⁶⁶ Иранский исследователь Муҳаммад Ҳакиммазар считает немного иначе. По его мнению, одни ученые видят в ‘Убайд-и Зākānī «адского насмешника», а другие считают его борцом против безнравственности и искусным поэтом.⁶⁷

История изучения ‘Убайд-и Зākānī

В хронологическом порядке здесь будут представлены средневековые сочинения, содержащие сведения о поэте и исследования, посвященные жизни и творчеству ‘Убайд-и Зākānī.

- 1) Ҳамдаллāх Мустауфӣ — «Та’риҳ-и гузйда» (730/1329—30) («Избранная история»).

⁶⁶ Дорри. Указ. соч. С.47.

⁶⁷ Ҳакиммазар Муҳаммад. Услўб ва сāхтāр-и ахлāқ ал-ашрāф (Манера изложения и структура «Ахлāқ ал-ашрāф»). // Адаб пажӯхӣ, осень 2011 г. №17. С.93.

Этот историк родом из Казвина был современником ‘Убайд-и Зākānī. В его работе упоминается эпизод с предком поэта ‘Амād ад-Дīном Аҳмадом Зākānī и атабеком Фарса Са‘дом ибн Зангī, а также приводится описание представителей рода Зākānī, а именно указания на их арабское происхождение и сферу деятельности. О самом ‘Убайде Ҳамдаллāх Мустауфī говорит как о выдающемся поэте, чьи стихи очень известны.⁶⁸

2) Даулатшāх-и Самарқандī — «Тазкират аш-шу‘арā» (892/1487) («Антология поэтов»).

В этой работе автор дает краткую биографию и рассказывает несколько историй об ‘Убайде. Именно из этого источника нам известны истории об Абӯ Исхāқа, который не принял однажды поэта, будучи в компании шута. Также Даулатшāх Самарқандī повествует о случае с женщиной по имени Джахāн Ҳātūн, который, возможно, послужил поводом конфликта ‘Убайда с Салмāном Сāваджī. Собственно, анекдот о ссоре поэтов тоже представлен в антологии. Кроме этого, Даулатшāх рассказывает о последних днях Абӯ Исхāқа Инджӯ.⁶⁹

3) Амйн Аҳмад Рāзī (X-XI/XV—XVI вв.) — «Хафт иқлīm» («Семь климатов») (1002/1593-94).

По сообщению советского исследователя М.Раджабова, эта масштабная работа содержит отрывочную информацию о ‘Убайд-и Зākānī, а также отрывки из его произведений.⁷⁰

4) Лутф ‘Алī-бек Азар (1722—1780) — «Āташкада» («Храм огня»)

По словам того же М.Раджабова, в этой поэтической антологии содержится немного информации о поэте. И, действительно, там представлен анекдот, который приводился Даулатшāхом Самарқандī, о том, как ‘Убайду было отказано в аудиенции Абӯ Исхāқа.⁷¹

5) «Мунтахаб-и латāйиф» («Избранные смешные рассказы») (1303/1886).

В первое печатное издание произведений ‘Убайд-и Зākānī вошли «Ахлāқ ал-ашрāф», «Рīш-нāма», «Рисāла-йи сад панд», «Рисāла-йи та‘рīфāt», сатирические стихотворения, «Рисāла-йи дилгушā» и «Мактūбāt-и қаландарāн». Сборник подготовил французский востоковед М.Ферте, написавший и предисловие к книге. Можно предположить, что исследователь ориентировался на информацию из «Та‘рīх-и гузīда» и «Тазкират аш-шу‘арā». Сборник «Мунтахаб-и латāйиф» вышел в Стамбуле.

⁶⁸ Мустауфī. Указ. соч. С.792–805.

⁶⁹ Самарқандī Даулатшāх. Тазкират аш-шу‘арā (Антология поэтов). – Тегеран, 1884. – С.288–291.

⁷⁰ Раджабов. Указ. соч. С.33.

⁷¹ Азар Лутф ‘Алī-бек. Аташкада (Храм огня). – 1968 – С.233.

6) Е.Э.Бертельс — «Очерк истории персидской литературы» (1926)

Первое упоминание об ‘Убайд-и Зākānī отечественными востоковедами приводит Е.Э.Бертельс (1890-1957). Он сообщает о том, что поэт жил в Багдаде при дворе Увайса Джалāйирī и то, что его произведения отражают упадок нравов в обществе. Однако характеристика поэта исследователем в большей степени негативная. Он заявляет, что большая часть произведений ‘Убайда – «едкие пародии на его знаменитых предшественников». Но Е.Э.Бертельс выделяет его произведение «Мӯш ва гурба», когда говорит о том, что оно «отличается прекрасным юмором, заставляющим забыть многие недостатки автора, и вплоть до нашего времени распространена в Персии как народная книга».⁷²

7) Э.Г.Браун — «A Literary History of Persia. In four volumes. Vol.3 The Tartar Dominion (1265-1502)» (1928)

Английский исследователь более подробно останавливается на фигуре ‘Убайда. Он называет Зākānī выдающимся пародистом и сатириком, но говорит, что язык произведений ‘Убайда, как и большинства других арабских и турецких сатириков, в значительной степени непристойный, из-за чего большинство его работ не пригодны для перевода. Однако, по мнению М.Раджабова, непригодна лишь незначительная часть. Э.Г.Браун очень высоко оценивает произведение «Ахлāқ ал-ашрāф», однако в своей работе ограничивается только переводом нескольких бейтов и пересказом. Кроме того, он почти полностью приводит предисловие М.Ферте к «Мунтахаб ал-лаṭāйиф». Также Браун пишет: «Я уделил ему [‘Убайду] больше времени, чем он заслуживает, по мнению изучающих персидскую литературу, но его оригинальность и красочность речи дают ему право на большее внимание».⁷³

8) «‘Ушшāқ-нāма» с предисловием Са‘йда Нафйсī (1314/1935)

Знаменитый иранский филолог в предисловии кратко описывает биографию поэта. Са‘йд Нафйсī пишет, что точное название места рождения поэта «Задж кāн» («задж» - купорос), но также он предполагает, что оно могло называться и «Зах кан». Именно в его предисловии к рассказу о встрече ‘Убайда с Салмāном Сāваджй добавлены две строчки, которые по очереди сказали поэты, описывая толпу. Сам исследователь пишет, что прочитал их у автора по имени

⁷² Бертельс Е.Э. Очерк истории персидской литературы. – Л.: Издание Ленинградского института имени А.С.Енукидзе, 1928. – С.65.

⁷³ Browne. Op.cit. P.230–257.

‘Али ибн Хусайн Ва‘из-и Кāшифй (ум.910/1504), и отмечает то, что те две строчки принадлежат поэту Нāсир-и Бухарāйй (ум. 778/1376).

- 9) «Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākāнй» («Полное собрание сочинений ‘Убайд-и Зākāнй») с предисловием ‘Аббāса Иқбāла (1321/1942)

‘Аббāс Иқбāl произвел самый подробный анализ жизни и творчества поэта. В его предисловии к первому изданию сочинений ‘Убайда собрана вся возможная информация о нем, и в дальнейшем абсолютно все исследования, посвященные Зākāнй, будут опираться на сведения, приводимые ‘Аббāсом Иқбāлом. Позже усилиями этого выдающегося ученого выйдут в свет еще два издания сочинений ‘Убайда, третье выйдет уже после смерти исследователя благодаря его коллеге Парвйзу Атāбакй в 1342/1963 г.

- 10) И.С.Брагинский — «Очерки из истории таджикской литературы» (1956)

В этой работе ‘Убайд-и Зākāнй уделено большое внимание. В отличие от Е.Э.Бертельса его оценка творчества поэта более положительная. Исследователь приводит краткие биографические сведения об ‘Убайде, подробно описывая ссору поэта с Салмāном Сāваджй. И.С.Брагинский отмечает трактаты («рисāла») ‘Убайда. Он помещает в свой труд переведенные шестую и седьмую главы «Ахлāқ ал-ашрāф», а также переведенные отрывки из «Рисāла-йи дилгушā» и «Рисāла-йи дах фāсл».

- 11) А.Дж.Арберри – «Classical Persian Literature» (1958)

Опираясь на труд своего предшественника и соотечественника Э.Г.Брауна, английский исследователь также не обходит имя ‘Убайд-и Зākāнй стороной. А.Арберри, говоря о трактатах поэта, отмечает: «Эти поэмы заслуживают изучения не только ради них самих, но и потому, что они и их автор являются мостом между Са‘дй и Хāфизом, и Зākāнй к тому же является новатором в газели и несомненно должен был оказать влияние на своих младших современников, творившим почти в то же время и в том же государстве, что и поэт».⁷⁴ Англичанин перевел две его газели, но они потеряли свою прелесть в переложении на английский язык, поэтому Хасан Джавади решил не включать их в свое издание («Obeyd-e Zakani. The Ethics of the Aristocrats and Other Satirical Works, 1985»).

- 12) М.Раджабов – «Мировоззрение Убайда Зокони» (1958)

⁷⁴ Arberry. Op.cit. P.298–299.

Это единственное исследование в советской иранистике, посвященное ‘Убайд-и Зākānī. Советский востоковед на основе практически всех вышеуказанных источников представляет читателям биографию, историю изучения поэта, а также приводит анализ общественно-политических взглядов сатирика и помещает переводы некоторых отрывков из его произведений, а также демонстрирует фотографии страниц рукописи, которой он пользовался. Она называется «Дивāн-и маулānā ‘Убайд-и Зākānī», и была переписана в конце 807/1405 г. Также М.Раджабов использовал тегеранское, константинопольское и берлинское издания сочинений сатирика. «Мировоззрение Убайда Зокони» — лучшая работа об ‘Убайд-и Зākānī на русском языке.

13) Г.Этте – «Neupersische Litteratur» (1958)

В этой работе представлены очень краткие сведения об ‘Убайд-и Зākānī, встречающиеся в трудах предшествующих исследователей персидской литературы.

14) Са‘ид Нафйсй – «Тārīх-и назм ва наср дар йрāн ва дар забāн-и фāрсй tā пāйāн-и қарн-и дахум-и хиджрй» («История поэзии и прозы на персидском языке в Иране до конца XX в.х.») (1965)

В этой книге также нет подробной информации о поэте: названы его известные сочинения и некоторые факты биографии.

15) Ян Рипка – «История персидской и таджикской литературы» (1970)

В этой работе информации о поэте не очень много. Автор этого исследования допускает возможность заимствований Хафизом из сочинений ‘Убайд-и Зākānī, его старшего современника, так как оба долгое время жили и творили в одном городе. Также Ян Рипка заявляет, что если кого в персидской литературе и можно назвать сатириком, то только ‘Убайда. Кроме этого, исследователь отмечает, что произведения Зākānī имеют много художественных достоинств и что в смысле описания общественных отношений не имеют себе равных.⁷⁵

16) И.С.Брагинский — «Из истории персидской и таджикской литератур» (1972)

Это еще одна крупная отечественная работа, посвященная персидской литературе. После общей характеристики исторических условий, предваряя подробное описание творчества Хафиза, И.С.Брагинский дает краткую характеристику ‘Убайд-и Зākānī. Вот, что он пишет о нем:

«Если сила Ибн Йамина (ум.769/1369) состоит в изображении положительного идеала, то, кажется, никто в классической поэзии на фарси не превзошел ‘Убайд-и Закани в силе изобличения современного ему

⁷⁵ Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. – М.:Прогресс, 1970. – С.265–266.

общественного и политического уклада. Для классической поэзии вообще было свойственно то, что в центре ее внимания стоял положительный, даже идеальный и идеализированный герой. Сосредоточить внимание на показе и разоблачении отрицательного персонажа стало много веков спустя свойством «бюргерской» литературы и литературы критического реализма. Отдельные элементы иронии и разящего смеха, однако, свойственны творчеству классиков X - XIII вв. Но своей вершины социальная сатира достигла только в поэзии ‘Убайд-и Закани, чья поэма «Мышь и кот» («Муш ва гурба»), высмеивавшая коварного «правоверного» кота, стала популярной, подлинно народной книгой в Иране и Средней Азии. Его перу принадлежат сатирические «послания» — рисала, где в различных формах — пародийного словаря, собрания анекдотов, сборника афористических изречений, серии стихотворений, эзоповски иносказательного кодекса морали — зло высмеиваются нравы феодального общества. Показательно, что сам Закани стал притчей во языцех, героем анекдотов, в которых он изображается острым на язык, бесстрашным бедняком» [Брагинский 1972: 351].

17) Дж.Дорри – «Персидская сатирическая проза» (1977)

Как уже было упомянуто, автор этого исследования высоко оценивал значимость фигуры ‘Убайда. В вышеназванной работе Дж.Дорри кратко излагает биографию поэта, отмечает несколько его произведений, а именно «Ахлāқ ал-ашрāф», «Рисāла-йи дах фāсл», «Рисāла-йи сад панд» и «Рисāла-йи дилгушā», после чего дает характеристику сатиры поэта и высказывает мнение о том, почему Зākānī не получал должного внимания со стороны исследователей.

18) «Ethics of the Aristocrats and other satirical works» (1985)

В этот сборник входят переводы на английский нескольких произведений ‘Убайда. Хасан Джавади, составитель сборника, написал достаточно подробное и интересное предисловие к изданию, затронув в нем все важные аспекты, касающиеся ‘Убайд-и Зākānī, а также поместил собственные переводы некоторых из произведений поэта.

19) Ахмад Тамимдари — «История персидской литературы» (2007)

В этом исследовании ‘Убайд бегло упоминается как один из немногих авторов сатирических рассказов.⁷⁶

20) Даниэлла Менегини — «Obeid Zakani» (2008)

Это интересная и подробная статья о поэте из энциклопедии «Iranica». Исследовательница на основе многих из вышеуказанных источников рассказывает о биографии и творчестве ‘Убайд-и Зākānī. Эта статья — один из лучших материалов о поэте на западноевропейских языках.

⁷⁶ Тамимдари Ахмад. История персидской литературы. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – С.203–204.

21) Муҳаммад Ҳақимазар «Услуб ва сәхтār-и аҳлāқ ал-ашрāф» («Манера изложения и структура «Аҳлāқ ал-ашрāф») (2011)

Очень полезная и информативная статья, посвященная трактату «Аҳлāқ ал-ашрāф», его форме, содержанию, языку и исторической значимости.

22) Аҳмад Зāкирӣ и Ҳалил Фāйизӣ – «Сймā-йи даулатмардāн дар āйина-йи āсār-и ‘убайд-и зāкāнӣ» («Образ государственных деятелей в зеркале сочинений ‘Убайд-и Зāкāнӣ») (2014)

В этой статье рассматриваются образы правителей, вазиров, судей и других чиновниках в разных произведениях ‘Убайд-и Зāкāнӣ.

23) Муҳаммад Ҳақимазар – «Та’мул-и дар муҳтавā-йи иджтимā’-й-йи танз-и ‘убайд» («Размышление о социальном содержании шуток ‘Убайда») (2015)

В этом интересном исследовании рассматривается сатира поэта с социологической точки зрения, в том числе, как отражаются в произведениях Зāкāнӣ такие явления, как бедность, нравственное разложение чиновников, отношения мужчин и женщин и другое.

24) «Куллийāt-и ‘Убайд-и Зāкāнӣ» («Полное собрание сочинений ‘Убайд-и Зāкāнӣ») с предисловием Парвйза Атāбакӣ (2017)

Это третье новейшее издание сочинений ‘Убайд-и Зāкāнӣ. Второе издание было выпущено в США в 1999 г. иранским ученым Джа‘фаром Маҳджубом, но, к сожалению, с этой книгой мне не удалось ознакомиться. Тем не менее, третье издание выглядит самым подробным и полным из всех. Предисловие составляет более ста страниц, в которое также Парвйз Атāбакӣ включил предисловия предыдущих исследователей – М.Ферте к «Мунтахаб ал-лағāйиф» и ‘Аббāса Иқбāла к изданию «Куллийāt» 1942 г., а также стилистические и тематические исследования творчества ‘Убайд-и Зāкāнӣ. Это самое подробное исследование фигуры и сочинений поэта, которое мне встречалось.

Трактат «Аҳлāқ ал-ашрāф» («Этика аристократии»)

Это произведение было написано в 740/1340-41 г. Вероятно, адресатом сатиры ‘Убайд-и Зāкāнӣ были правящие круги и знать государства Ильханов. Нам неизвестно личное отношение поэта к неперсидскому владычеству на иранских территориях, но, исходя из текста трактата, становится ясным тот факт, что политическая и нравственная атмосфера того времени была очень

важной для него темой. Многие исследователи творчества ‘Убайд-и Зākānī сходятся во мнении, что трактат получил название «Ахлāқ ал-ашрāф» в подражание известным в то время философским произведениям Нāсир ад-Дīна Тусй (597–672/1201–1274) «Ахлāқ-и нāсирй» («Этика Нāсира») и «Аусāф ал-ашрāф» («Описания аристократии»). ‘Убайд-и Зākānī, безусловно, был знаком с этими текстами и намеренно использует похожее название для своего сочинения для создания сатирического эффекта. Главная тема трактата – нравственное разложение аристократов эпохи Ильханов. Как было сказано выше, трактат разделен на предисловие и семь глав:

- 1) О мудрости (дар ҳикмат);
- 2) О мужестве (дар шуджā‘ат);
- 3) О целомудрии (дар ‘иффат);
- 4) О справедливости (дар ‘адāлат);
- 5) О щедрости (дар саҳāват);
- 6) О кротости (дар ҳилм);
- 7) О робости, верности, милосердии и сострадании (дар ҳайā ва вафā ва раҳмат ва шафаққат).

Предисловие написано в стиле предшествующих трактатов, то есть включает в себя славословия в адрес Бога и Пророка, а также в нем поэт подчеркивает важность этики.

Каждая из глав делится на две части: «запрещенное учение» (мазхаб-и мансӯх) и «выбранное учение» (мазхаб-и мухтār). В «запрещенном учении» Зākānī показывает мнение мудрецов прошлого о том, каким должен был человек, если он считается обладателем той или иной добродетели, а в «выбранном учении» – взгляд современников поэта. Тем самым поэт ставит в своем произведении жестко противопоставляет нравы прошлого и настоящего. По структуре «Ахлāқ ал-ашрāф» во многом схож с «Гулистāном»⁷⁷ Са‘дй. Существует мнение, что ‘Убайд-и Зākānī остановился на семи главах по той причине, что, согласно Корану, ад и рай имеют семь уровней: «И поистине, геенна – место, им назначенное всем! У нее – семь врат, и у каждых врат из них - отдельная часть⁷⁸». Можно предположить, что поэт в «запрещенном учении» говорит о поведении, достойном для попадания в рай, а в «выбранном учении» – в ад.⁷⁹

Стиль сатиры ‘Убайд-и Зākānī заметно отличается от сатиры Сӯзанй (ум. 562/1167 или 569/1174), Санāйй (ум. 545/1141) и Са‘дй. В своих сочинениях Зākānī выбирает различные формы и техники повествования: в «Муш ва гурба» – подражание под эпика «Шāх-нāма»

⁷⁷ Это произведение о различных аспектах житейской делится на 8 глав.

⁷⁸ Коран 15:43–44(43–44).

⁷⁹ Хакймāзар Муҳаммад. Указ. соч. – С.94.

(«Книги царей») Фирдоусӣ (329–416/935–1020), в «Рисāла-йи Ҷад панд» – список советов и наставлений, в «Рисāла-йи та‘рйфāt» – сатирический словарь или энциклопедия и т.д. Выбирая неожиданную форму для своего произведения, сатирик постоянно обманывает ожидания читателя, это и есть один из самых часто используемых приемов ‘Убайд-и Зākāнӣ. Одной из причин, по которой исследователи выделяют именно «Ахлāқ ал-ашрāф» среди сочинений поэта, является тот факт, что в нем дана наиболее резкая и едкая критика нравственности общества. В контексте сатиры XIV века можно выделить ловкое высмеивание пороков Хāфизом и бесстрашную сатиру Зākāнӣ.⁸⁰ Во многих исследованиях, включая советские, принято рассматривать его фигуру как «адского насмешника», как его называл поэт Салмāн Сāваджӣ, но в «Ахлāқ ал-ашрāф» нет никакого шутовства, в этом произведении автор преследует свои цели. Лично наблюдая за постоянными раздорами местных правителей, которых никак не заботили интересы подданных и которые сами не старались показывать своими поступками образец поведения достойного человека, Зākāнӣ выражает свою общественную позицию и делает это на всем понятном языке. Он вводит в произведение простонародную лексику и почти не использует монгольские слова, уже в то время вошедшие в персидский язык. Еще одно стилистическое различие между «Ахлāқ ал-ашрāф» и «Гулистāном» Са‘ди, который значительно повлиял на творчество поэта, в том, что трактат Зākāнӣ не написан в форме усложненной рифмованной прозы (садж‘). Слог трактата более свободный – проза с использованием персидских и арабских стихотворений, цитат из Корана и хадисов, а также пословиц, причем часто сложно отличить введенный поэтом хадис от поговорки или народных выражений.

В «Ахлāқ ал-ашрāф» упоминаются многие исторические фигуры, такие как Хусрав Ануширван (правил 531–579), Йездигерд I (правил 399–420/21), Навуходоносор II (630–562 гг. до н.э.), ‘Умар ибн Хаттāб (585–644) ‘Алӣ ибн Абӣ Тāлиб (599–661), Хусайн ибн Мансӯр Халлāдж (244–309/858–922), Мухйй ад-Дйн ибн ‘Арабӣ (540–638/1165–1240), Му‘āвийа ибн Абӣ Суфйāн (603–680), Чингисхан (ум.1227), Хулāгӯ-хāн (1217–1265) и Абӯ Са‘йд Бахāдур-хāн. Наблюдая за тем, как и при каких обстоятельствах поэт приводит имена некоторых из этих людей, можно судить о его отношении к ним либо отношению к ним в обществе того времени. Например, монголов Чингисхана и Хулāгӯ-хāна Зākāнӣ показывает жестокими захватчиками, в то время как последнего правителя династии Ильханидов Абӯ Са‘йда – правителем, который желал править по справедливости, что его и погубило. Также интересно, что ‘Убайд-и Зākāнӣ очень уважительно относится к имаму ‘Алӣ и его сыновьям, учитывая тот факт, что поэт исповедовал суннитский ислам.

⁸⁰ Там же. С.95.

Среди поэтов, которых цитирует или пародирует поэт в «Ахлāқ ал-ашрāф» встречаются такие, как Фирдоусӣ, Асадӣ Тӯсӣ (ум.465/1072), Анварӣ, ‘Умар Ҳаййām (439–526/1048–1131), Санāйӣ, Низāmӣ-йи Ганджавӣ (535–607 или 612/1141–1211 или 1215), ‘Ирāқӣ и Са‘дӣ. В большей степени он обращался к Фирдаусӣ, Низāmӣ и Са‘ди. Также в тексте содержатся бейты либо неизвестного автора, либо самого Зākāнӣ.

Язык трактата соответствует стилю художественных и исторических сочинений XIV–XV вв. С точки зрения выбора грамматических структур не заметно никакого новаторства. Лексический состав «Ахлāқ ал-ашрāф», как большинства других произведений того времени, изобилует арабскими словами, персидские слова в основном представлены такими частями речи, как глагол, наречие, предлог и союз. В целом, язык трактата стремится к простоте. Как уже было упомянуто, вопреки тенденции использования монгольских слов, ‘Убайд-и Зākāнӣ относится к ним более пренебрежительно. Также большинством исследователей выделяется искусная игра словами. Кроме того, поэт вводит в свое сочинение просторечные слова, а также диалектизмы. Примером может послужить рассказ (хикайат) во второй главе об исфаханце, которого настиг в пустыне монгольский воин. Речь исфаханца поэт передает с использованием местного диалекта, что может послужить одним из немногих документов по изучению диалектных особенностей персидского языка того времени.

Кроме вышеуказанных поэтов-предшественников ‘Убайд-и Зākāнӣ, на него повлияли также сочинения схожей направленности на арабском языке, в том числе работы Абӯ Мансӯра Са‘алибӣ (350–429/961–1038), Муҳаммада ал-Ғазālӣ (450–505/1058–1111) и Нāсир ад-Дйна Тӯсӣ.

Самый часто используемый прием ‘Убайд-и Зākāнӣ в «Ахлāқ ал-ашрāф» – ирония с созданием яркого контраста. В трактате противопоставляются, например, названия частей глав: учения прошлого, идеальная мораль и поведение – «запрещенное учение», а развращенные нравы современности – «выбранное учение». Тем самым этот прием становится основообразующим для всего произведения. Кроме этого, ‘Убайд прибегает к пародированию стихотворений известных поэтов, как явному, так и скрытому. В третьей главе («О целомудрии») поэт пародирует «Шāхнāма» Фирдаусӣ. Чтобы показать, как современные аристократы постулируют свой образ поведения, возводя его к древним временам, когда жили иранские герои Рустам, Хумāн и Пйрāн, он приводит в подтверждение стихотворение, написанное размером «Шāхнāма» – мутақāрибом. Хотя его содержание непристойное, но однозначно читатели сразу понимали, что это пародия на знаменитую поэму Фирдаусӣ. Другой пример пародии на известные стихи встречается в шестой главе («О кротости»):

«Если собака лает на крыше сеновала, не печалься» / «گر سگی بانگی کند بر بام کهدان غم مخور»

Рифма и размер этого бейта напоминает знаменитую газель Хафиза с начальным бейтом «يوسف گمگشته باز آيد به کنعان غم مخور» («Заблудившийся Йўсуф вернется в Ханаан, не грусти»). А в свою очередь эта рифма, вероятно, была заимствована из стихотворения Шамс ад-Дйна Джувайни (623–681/1226–1283) «كلبه احزان شود روزی گلستان غم مخور» («Хижина обездоленных однажды станет цветником, не грусти»). Существует гипотеза, что ‘Убайд-и Зākāни на самом деле спародировал строку Салмāна Сāваджй тоже с рифмой «гам махўр» [Хакймазар: 18]. Вероятно, что сатира с использованием строк известных поэтов считалась более умелой и жгучей, чем та, в которой используется сухое повествование с пояснениями.

В седьмой главе («О робости, верности, милосердии и сострадании») «Ахлāқ ал-ашрāф» ‘Убайд-и Зākāни обращается к поэмам Низāми «Хусрав ва Шйрйн» («Хусрав и Шйрйн») и «Лайли ва Маджнўн» («Лейли и Маджнўн»). Поэт своеобразно трактует события поэм для подтверждения «правильности» безнравственных воззрений ильханидской аристократии. Зākāни иронизирует, что каждый, кто избирал путь верности, всегда был печальным и несчастным и проживал бессмысленную жизнь, и приводит в пример Фархāда из «Хусрав ва Шйрйн». Тот ради того, чтобы добиться Шйрйн, покори́л гору Бйсутўн, но так и не смог достичь цели. И в подтверждение этому Зākāни приводит бейт из Низāми:

«فدا کرده چنين فرهاد مسكين ز بهر جان شيرين جان شيرين»

(«Бедный Фархад принес в жертву [свою] приятную жизнь ради жизни [с] Ширин»).

А герой «Лейли ва Маджнўн» Маджнўн, до того, пока не влюбился в Лейли, был умным и сообразительным юношей, всю жизнь он был ей верен, и из-за этого жизнь его была печальна.⁸¹ Так ‘Убайд-и Зākāни, используя и намеренно искажая смысл известных произведений, создает сатирический эффект в своем трактате.

Также в «Ахлāқ ал-ашрāф» несколько раз встречаются цитаты из Са‘дй. В той же седьмой главе можно заметить скрытую цитату из «Гулистанā». ‘Убайд-и Зākāни говорит, что нужно, насколько возможно, вести себя лицемерно и говорить то, что людям будет казаться правдой, чтобы они чувствовали себя спокойно. Например, если вельможа в полночь скажет, что это время для полуденного намаза, то нужно ответить: «Правду говорите, сегодня солнце очень жарко греет».⁸² Этот отрывок очень похож на знаменитые бейты из «Гулистанā»:

«Высказать [свое] мнение наперекор мнению султана –

⁸¹ Зākāни ‘Убайд. Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākāни. – Тегеран: Заввār, 2017. – С.339–340.

⁸² Там же. С.341.

Это значит умывать себе руки собственной кровью.

Если он днем скажет: “Сейчас ночь”,

То нужно ответить: “Вот луна и звезды”»⁸³.

Как уже было упомянуто, ‘Убайд-и Зākānī вводит в текст трактата коранические цитаты и хадисы также для достижения сатирических целей, что кажется достаточно смелым шагом. Однако, согласно информации исследователя Мухаммада Хакимазара, не все «хадисы», которые использует поэт, включены в сборники хадисов.

В Приложении содержится перевод пяти глав «Ахлāқ ал-ашрāф» (пятая глава переведена до рассказов в разделе «выбранного учения»).

Трактат «Рисāла-йи та‘рйфāt» («Трактат об определениях»)

Дата написания данного трактата, как и большей части других сочинений ‘Убайд-и Зākānī неизвестна. В исследованиях о творчестве поэта этому произведению не уделялось достачного внимания. Прежде всего, «Рисāла-йи та‘рйфāt» интересен своей формой – он написан в форме словаря или некой энциклопедии, которая разделена на десять частей, каждая из которых посвящена определенной тематике. В кратком введении, писатель подшучивает над литературой и богатым словарным запасом как незаменимыми вещами для мудрых людей и ставит своей целью написать ряд определений, которые он предлагает людям выучить. Главы в этом трактате имеют следующие названия:

- 1) Об этом мире и о том, что в нем есть;
- 2) О тюрках и их друзьях;
- 3) О судьбе и тех, кто имеет к нему отношение;
- 4) О шейхах и тех, кто относятся к ним;
- 5) Об уважаемых людях и их обычаях;
- 6) О ремесленниках и подходящих друзьях;
- 7) О вине и том, что имеет к нему отношение;
- 8) О банге и том, что к нему прилагается;
- 9) О домашнем хозяйстве и о том, что имеет к этому отношение;

⁸³ Перевод Р.М.Алиева.

10) О сути мужчин и женщин.

В отличие от сатиры в «Ахлāқ ал-ашрāф», которая в большей степени направлена против правящих кругов, здесь высмеиваются абсолютно все слои населения. Больше внимание уделено критике поведения суфиев, и в частности их пристрастия к безбородым юношам. Также в «Рисāла-йи та‘рйфāt» Убайд-и Зākāнй не оставляет без внимания чиновничий аппарат, как представителей судебной системы (судьям посвящен отдельный раздел), так и духовенство. Кроме критики в адрес должностных лиц, автор также позволяет себе высмеивать некоторые основы мусульманского вероучения. Поэт никого не оставляет в стороне от своей острой сатиры и начинает с обличения фақйхов и судей, а заканчивает насмешками над нравами сельских жителей, а также отношениями между мужчиной и женщиной.

Также вызывает интерес отдельный раздел «Рисāла-йи та‘рйфāt», посвященный тюркам, который позволяет нам понять отношение автора к монгольскому владычеству в стране. В описании тюрков ‘Убайд-и Зākāнй прибегает к мусульманским эсхатологическим мотивам, сравнивая приход монгольских завоевателей с наступлением конца света.

Трактат насыщен непристойной лексикой. Она начинает появляться в произведении постепенно: если в первых разделах она почти не встречается, то в последних разделах неприличных выражений становится очень много. Поэт по ходу повествования описывает картину общества сверху вниз: начинает с мира, затем переходит к правившим в то время тюркам, далее критикует чиновников, затем суфиев и в конце концов доходит до обличения простых людей. Можно предположить, что Зākāнй использует неприличную лексику для того, чтобы обличить пороки низких слоев общества на более приземленном и понятном для них языке. По мнению М.Раджабова, поэт прибегает к подобному выбору лексики по причине царивших в то время эстетических предпочтений правителей, а также потому, что непристойностями поэт мог пытаться завуалировать острую сатиру, чтобы избежать преследование за свои сочинения. По-видимому, ему это удалось, так как, насколько нам известно, правители были благосклонны к ‘Убайд-и Зākāнй. Кроме того, в «Рисāла-йи та‘рйфāt» поэт демонстрирует умелую игру словами и использует часто трудные для понимания метафоры и сравнения.

Дж.Дорри приравнивает этот трактат к таким произведениям европейской литературы, как «Карманное богословие» П.Гольбаха (1723–1789), «Словарь прописных истин» Г.Флобера (1821–1880) и «Словарь Сатаны» А.Бирса (1842–1914), которые по форме очень похожи на «Рисāла-йи та‘рйфāt».

Заключение

‘Убайд-и Зākānī – недооцененный писатель, который только в последнее время становится объектом серьезных исследований. Представленная в данной работе история изучения поэта подтверждает этот факт. Постепенно оценка ученых по отношению к ‘Убайд-и Зākānī меняется. Теперь он не «адский насмешник», а интересный и крупный поэт, затронувший важные общественные проблемы и писавший важную для того времени политическую сатиру. Хотя в сочинениях писателя не наблюдается новаторства в плане образности языка, тем не менее они представляет собой художественную ценность, ‘Убайд-и Зākānī – настоящий мастер игры слов, он умело использует цитирование сочинений великих поэтов-предшественников и отлично пародирует их. Этот поэт заслуживает более пристального внимания, не даром его называют «литературным мостом между Са‘дī и Хāфизом».

Следует признать, что Зākānī в некоторой степени стоит особняком и за ним не тянется четко заметная традиция. У этого поэта не было явных предшественников. У некоторых персидских поэтов, таких как Ғада’ирī (ум. 426/1035) и Мунджик Тирмизī (вторая половина IV/XI в.), были стихотворения с нападками на кого-то. То же можно сказать и о поэме Санāйī «Кār-nāma-йи балх», где содержится резкая критика нравов жителей и чиновников Балха, однако до социальных обобщений, до критики людей как носителей социального зла, до осуждения некоторых слоев средневекового иранского феодального общества, пожалуй, никто не поднялся. Возможно, лишь исмаилитский поэт Низārī (ум.721/1320) выступал в защиту крестьян в своих стихах против угнетения землевладельцев.

В иранском феодальном обществе критика общественных и религиозных устоев была крайне опасна, и человек, вставший на путь критики устоев, должен был быть готов либо к наказанию и смерти, либо искать такие способы выражения, чтобы избежать наказания и в случае опасности представить эту критику как простую забаву, шутку, игру. Возможно для этого ‘Убайд-и Зākānī и использовал неприличные слова и выражения, приводил яркие примеры непристойных и в моральном и в половом смысле отношений между людьми.

Разумеется, данная работа не представляет собой максимально подробного исследования поэта, однако может послужить основой для более детального и глубокого рассмотрения творчества ‘Убайд-и Зākānī.

Приложение

«Этика аристократии»

Перевод

Вступление

Бесконечная благодарность и безграничная хвала Богу, который является необходимо-сущим (да будет славным Его могущество), который украшение разумом сделал красотой человеческого бытия, и с помощью него прилагал все усилия для приобретения и описания прекрасных качеств и восхваляемых черт [характера человека]. Да будут рассыпаны бесчисленные благословения озаренному и благоухающему прибежищу Господина нашего тварного мира, избранного Богом Мухаммада (да будь он благословлен самыми совершенными восхвалениями), чье платье нрава и бумага с указом [о его] нравах украшены узором [прекрасного изречения]: «Если бы тебя не было, то я мир бы не сотворил»⁸⁴ и монограммой из букв [его] царского имени «Воистину у тебя замечательный нрав»⁸⁵. Приветствия и благословения его потомкам и сподвижникам – «за каждым из них следовали и шли верным путем».

Да не останется сокрытым от обладателей совершенного суждения, которые ведут свою речь о них, что в любом теле есть благородная сущность, которую называют духом в мире божественного повеления. Дух является владетелем и хранителем. Истинное бытие состоит из этой жемчужины, и она постоянно существует сама по себе, способна на возвышение и на то, чтобы стать совершенной. Так же, как тело будет защищено от похоти и чувственных наслаждений и будет обращено к земному миру, дух будет познавать все истины и совершать благодетельные поступки по отношению к Всевышнему, который является важнейшей целью (да будет могучим его дело). Такой человек обращается к миру святости в себе. Так же, как человек из-за хронических болезней имеет свойство быть бессильным, дух имеет качество – когда он будет подвержен одной из болезней, свойственных ему, связанных с любовью к высокому положению и имуществу, стремлением к плотским наслаждениям и склонности к удовольствиям низкого мира, он по природе своей становится беспомощным, в то время как его целью является созерцание Преславного Бога и восприятие умопостигаемых явлений. Возможно, один поэт сочинил об этом стихотворение:

«Тебя извлекли из двух миров,

⁸⁴ Хадис.

⁸⁵ Коран 68:4(4).

Тебя воспитывали несколько людей,

Первую мысль считай последней,

Ради себя не играй своим бытием»⁸⁶

Так же, как целители нравственного величия существовали для упразднения болезней тела и сохранения его здоровья, пророки направляли взгляд, полный нравственного величия на защиту от несчастий и болезней духа.

Когда мудрый муж пристально рассматривает [общество] пронизательным взглядом, ему ясно, что его цель состоит в передаче данного трактата в качестве воспитания нравов и очищения образа действий рабов божьих. В словах поэта эта мысль предстает в следующем виде:

«Явится пророк, или нет, веди себя, как положено,

Ибо человек с безупречным поведением не отправится в ад».

Сам Пророк сбросил покрывало с лица этой мысли, так же, как его сбрасывают с лица невесты, и раскрыл прелесть этого намека в таком объяснении: «Я послан, чтобы довести до совершенства благородные нравы»⁸⁷. И заключили в форму письма доведение до совершенства нравов наилучшим способом и безопасным путем и установления этого раздела законов (нравов), которые мудрецы в своих подробных писаниях называют этикой и житейской мудростью, лишь некоторыми из которых из-за их неполного понимания ограничился этот несчастный («Убайд-и Зākānī).

С благословенных времен чистого человека Адама, и до сих пор аристократы посредством огромных трудностей и испытаний достигли совершенства в четырех науках, которые есть мудрость, мужество, скромность и справедливость⁸⁸, и приложили свои невероятные усилия. И именно их считали причиной счастья в мирской и освобождения в будущей жизни и говорили:

«Какой бы ты ни был религии, будь благодетельным и великодушным,

Так как неверие и блонравие лучше, чем вера и безнравственность».

В это время, которое является лучшим из времен и сутью веков, когда характер аристократов стал тонким, и появились вельможи, обладающие разумом и возвышенными взглядами, определившие чистую мысль и исцеляющую идею о всех делах земной и будущей жизни.

⁸⁶ Цитата из «Шāхнāма» Фирдоуси

⁸⁷ Из хадиса, приписываемом Мухаммаду

⁸⁸ Согласно учению Платона, четыре главные добродетели: мудрость, мужество, смиренность и справедливость

Традиции и положения прошлого для их ищущего отличия взгляда стали презренными и несостоятельными. Также с течением времени большая часть тех правил поведения изнашивались, и возрождение тех положений для серьезной мысли и сверкающего сердца этих людей стало тягостным. Без сомнения, они смело отложили в сторону основы нравственного величия и положения той этики. И для земной и будущей жизни такой путь сейчас распространен среди благородных людей. Таким образом, этот краткий трактат они предприняли для объяснения кое-чего из той поставленной цели. Те люди [для достижения цели] начали разрушать основы светской и религиозной жизни, и это разрушение положили в основу вместо морали древних. Врата смысла открыты, для достижения этой цели начнем поток долгой речи. Уже некоторое время, этот слабый человек ('Убайд-и Зākānī) размышлял о том, чтобы довести до письма этот краткий трактат, основанный на некоторых положениях этики предков, которые народ называет запрещенными, и на некоторые положениях и этических нормах аристократов этого времени, которые считаются принятыми, для того, чтобы была польза и для стремящихся к этой науке, и для начинающих движение по этому пути, назвав [этот трактат. – А.П.] (Этикой аристократии), и разделив его на семь глав, каждая из которых содержит два учения: отмененное – тот путь, по которому жили предки; и выбранное, придуманное нынешними аристократами, и на котором основана их земная и будущая жизнь. Несмотря на то, что это краткое описание ограничивается сатирой, однако [как было сказано]:

"Тот, кто знаком с городом,
Знает, где наше богатство"⁸⁹.

Надежда этого слабого человека, трудившегося над этим кратким трактатом, в том, что [как было сказано]:

"Возможно, когда-нибудь где-нибудь достойный человек помолится за труд этого несчастного [автора трактата]"⁹⁰

Глава первая. О мудрости

Запрещенное учение

Мудрецы так определяли мудрость: «Мудрость – это совершенствование человеческой души в двух ее способностях – знании и действии. Что касается знания, то оно указывает на сущность

⁸⁹ Цитата из Низāmī-йи Ганджавī.

⁹⁰ Цитата из «Гулистāна» Са'дī.

вещей, как они есть [в действительности], а практика — обретение духовной способности, с помощью которой она [практическая сила] может совершать добрые дела и остерегаться скверных поступков, и называется [эта сила] нравом». Это значит, что в разумной душе сосредоточены две способности, и ее совершенство зависит от их завершенности. Одна способность — связанная со знанием, а другая — с действенностью. Познавательная способность страстно желает постигнуть науки и достичь знаний до тех пор, пока в соответствии с этим сильным желанием сила не приобрела бы власть над знанием о вещах, причем истинного знания. После этого [человек] удостоен искомого и истинного знания и [приближения] к всеобщей цели, которая является высшей степенью [желания] всего существующего (а это всевышний и всесвятая Бог), чтобы он почувствовал воздействие этого желания достичь мира единобожия⁹¹, более того — стоянки тождества⁹² с Богом, а сердце этого человека будет спокойным и умиротворенным (ибо [как сказано в Коране] «О! Ведь посредством поминания Аллаха успокаиваются сердца⁹³»), поскольку пыль неуверенности и ржавчина сомнения стираются с лица души и зеркала мысли, как сказал поэт:

«Куда бы ни пришло достоверное знание, сомнение исчезнет».

Способность к действию заключается в том, что упорядочивает и устраивает свои силы и действия таким образом, что [они] соответствуют друг другу и согласуются друг с другом, чтобы благодаря этой уравновешенности нрав человека стал одобряемым. Всякий раз, когда эта теория и практика в такой степени сосредоточены в человеке, — его можно назвать совершенным человеком и заместителем Бога [на земле], а его ранг будет самым высоким рангом человеческого рода. Всевышний Бог так сказал: «Он дарует мудрость, кому пожелает, а кому дарована мудрость, тому даровано обильное благо⁹⁴», и душа его [человека] после отделения от тела будет способна принять постоянное блаженство, вечное счастье и Божественную милость. Как сказал поэт:

«И это событие (т.е. смерть — А.П.), когда теперь кого-либо постигнет, будет счастьем».

Это и есть учение предшественников и мудрецов.

⁹¹ Таухид (араб.) — утверждение единства и единственности Бога (Рассыпанное и собранное. Стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. — М: ООО «Садра»: Языки славянской культуры, 2015. — С.18)

⁹² Иттихад (араб.) — союз, тождество (там же. С.353)

⁹³ Коран 13:28(28).

⁹⁴ Коран 2: 277(269).

Выбранное учение

Когда благородные, сообразительные и опытные люди, которые своими высокими персонами удостаивают чести землю, размышляли о совершенствовании человеческого духа, о его возвращении [к Богу] и пребывании в потустороннем мире, а традиции и мнения прежних великих людей держали перед глазами, они полностью отказались от этих воззрений, и они теперь говорят «Нам открылось, что разумная душа не заслуживает доверия, ее существование связано с существованием тела, а гибель разумной души зависит от исчезновения тела». И также они говорят: «Все то, что заявляли пророки о том, что она может быть совершенной или ущербной и что после отделения от тела она продолжает существовать сама по себе и будет существовать вечно, невозможно, а воскрешение из мертвых – пустое дело. Жизнь заключается в равновесии состава тела, когда же тело разложилось, человек навсегда исчезает. Все то, из чего состоят наслаждения рая и наказания ада, также может существовать в этой жизни, как сказал поэт:

«То, что [тебе] дали, здесь (т.е. на земле — А.П.) [тебе] и дали,

А то, чего нет, пообещали дать на следующий день».

Поэтому они полностью избавляются от [мыслей] о воскрешении, наказании в [Судный] день, страдании [в аду], о близости с Богом и отдаленности от Него, об одобрении [Бога] и о [Его] гневе, о совершенстве и изъяне. И следствием этого [их] убеждения является то, что каждый день жизни они растрачивают на получение удовольствий. Они говорят:

«О тот, кто является порождением четырех⁹⁵ и семи⁹⁶

И кто постоянно пребывает в возбуждении из-за четырех и семи.

Пей, ведь тысячу раз тебе говорил,

Твоего возвращения не будет: если ты ушел [из этого мира], то ушел [навсегда]⁹⁷.

Они часто пишут это четверостишие на могилах своих предков:

«Вне этого свода нет ни шатра, ни навеса,

⁹⁵ Четыре элемента (земля, огонь, вода, воздух).

⁹⁶ Существует два варианта трактовки: либо семь небес (пять планет, Солнце и Луна) или семь частей тела (голова, грудь, живот, руки и ноги). Я склоняюсь больше ко второму варианту.

⁹⁷ Это руба'й написано в подражание 'Умару Хаййаму.

Кроме как у нас с тобой, нет другого разума и способности различать (т.е. разумения. — А.П.),
[Это] — ничто, которое ты вообразил чем-то [важным],

С легкостью оставь эту [свою] фантазию, ибо она ничего собой не представляет».

И по причине такого убеждения, покушение на жизнь, имущество и корысть людей для них дело ничтожное и ничего не значащее [как сказал поэт]:

«Для него глоток вина цвета огня милее, чем гибель ста братьев».

Поистине, мудрецы – это те, кому поможет [Бог], ибо им без труда открылось то, что несколько тысячелетий остается сокрытым за завесой, несмотря на [стремление многих] очистить свой разум и душу.

Глава вторая. О мужестве

Отмененное учение

Мудрецы говорили, что в душе человека есть три различающиеся силы, которые являются источниками различных поступков. Первая из них – разумная – отвечает за разум и умение находить различия. Вторая – сила гнева, она стремится к [овладению] духовными состояниями, страстно желает власти и высокого положения. Третья – сила вожделения (называемая также животной) – является источником стремления к еде, питью и женитьбе. Когда разумная душа находится в равновесии с человеческой сущностью, то [тогда] то сильное желание к получению достоверных знаний приведет его к подчинению гнева [разумной душе]. В случае, когда сила гнева находится в равновесии и подчинена разумной душе, то она [душа] обретет мужество. Если движение животной души связано с равновесием и умеренностью и подчиняется разумной душе, то душа обретает целомудрие. Когда душа получает все три милости, и они смешиваются друг с другом, то из трех возникает соответствующее состояние, с которым связано совершенство всех качеств, и это совершенное качество называют справедливостью. Мудрецы называли человека мужественным, когда в нем были такие качества, как благородство, нравственное величие, спокойствие, терпеливость, отвага, скромность, благородный пыл и сострадание. Того, кого можно описать таким врожденным качеством, превозносили, поэтому он был гордым среди людей, и в таком обычае не было совсем ничего позорного, напротив, упоминание о битвах и сражениях, в которых участвовал тот человек, переходило в панегирики, и говорили:

«Богатство мужчины – это его мужество, смелость, благородство и благоразумие».

Выбранное учение

Наши предводители говорят, что тот человек, кто действует в ужасной ситуации и сталкивается в битве и в споре с другим человеком, не избавлен от двух состояний: он либо одолеет и убьет противника, либо наоборот. Если он убьет врага, то возьмет на себя [груз] невинно пролитой крови и, несомненно, вслед за этим слабость и конец жизни приблизятся к нему. А если победит противник, то тот человек (т.е. побежденный. — А.П.) окажется в аду. Какой разумный муж будет стремиться к такому образу действий, зная, что любой из этих двух путей приведет к этому результату? Какое доказательство яснее того, что повсюду, где происходит свадьба или веселье, или собрание людей, [а значит] там имеются еда, сладости, почетные платья и золото, туда требуют женоподобных мужчин, пассивных педерастов, музыкантов, играющих на арфе, и шутов. А там, где должны сходиться друг с другом копья и стрелы, научают дурака [говоря ему], что ты храбрец, богатырь, разбивающий войска, отважный герой, и отправляют его навстречу мечам, чтобы, когда того несчастного убьют на поле битвы, пассивные педерасты и женоподобные мужчины города, радуясь его несчастью, трясли задами и говорили:

«Я не смогу получить удар ни топора, ни стрелы, ни копья –

Еда, вино и музыканты меня вполне устраивают».

И когда богатыри падут на поле боя, женоподобные мужчины и пассивные педерасты будут смотреть издалека и говорить друг другу: «О боже, живи пассивным педерастом, но живи долго». Предусмотрительный человек в день битвы должен придерживаться слов хорасанских богатырей, которые говорят: «Благородные мужи скачут по полю – мы же скачем на сеновале». Поэтому в наши дни герои и богатыри сделали на своих перстнях оттиск этого бейта:

«Своевременное бегство – победа,

Счастлив тот богатырь, кто имеет такую судьбу».

Рассказывают, что молодого исфаханца настиг в пустыне некий монгол и напал на него. Юноша, обладая невероятной прозорливостью, покорно сказал: «О господин, ради бога, овладей мною, но не убивай меня!». Монгол сжалился над ним и сделал так, как он попросил. Благодаря такой находчивости юноша спас себя от гибели. Говорят, что после этого он прожил еще тридцать лет, пользуясь доброй славой. Какой же удачливый юноша! Как будто эту пословицу сочинили о нем:

«Знающим и любознательным юношам свойственно, если они ложатся на старика».

О, друзья, воспользуйтесь жизненным благом и обычаями знатных людей!

Бедные наши предки прожили свои жизни в заблуждении, и их рассудок не подвинулся к этим сокрытым знаниям.

Глава третья. О целомудрии

Отмененное учение

В жизнеописании аристократов прошлого я прочитал, что в давние времена они считали целомудрие одним из четырех качеств и определяя его, говорили, что целомудрие состоит из невинности и воздержания слов, и отсылали к такому человеку, который удерживал свои глаза от рассматривания постороннего человека, уши – от злословия, руки — от завладения чужим имуществом, язык — от безнравственных речей и душу — от недостойных вещей. Такого человека очень почитали. Поэт сочинил об этом следующее:

«[Тот человек] возвышался над людьми, словно кипарис,

Который был непорочным, честным и умеренным».

Подтверждают эту [мысль] такие [случаи]. Рассказывают, что [как-то] один мудрец услышал, как его сын кого-то порицает, и сказал [ему]: «Сын мой, почему ты доволен тем [порок], который сходит с твоего языка, но недоволен этим [пороком] в сущности другого?».

[Как-то] один человек жаловался на недостатки другого Повелителю правоверных Хасану ибн 'Али⁹⁸. 'Али сказал своему сыну: «Сын мой, храни свои уши невинными от его речей, пока самое скверное, что есть в его сосуде, не вылилось в твой».

Когда казнили Мансӯра Халлādжа⁹⁹, он сказал: «Как-то в детстве я шел по улице и услышал, как пела женщина на крыше. Ради того, чтобы ее увидеть, я посмотрел наверх. Теперь я знаю, что глядеть вниз с виселицы — это искупление грехов за тот взгляд.

⁹⁸ Хасан ибн 'Али (3–50/625–670) – пятый халиф и второй имам шиитов.

⁹⁹ Абӯ ал-Мугйс ал-Хусайн ибн Мансӯр ал-Халлādж ал-Байдāвӣ (244–309/858–922) – знаменитый суфий, казненный в Багдаде в 309/922 г.

Выбранное учение

Наши господа говорят, что предки относительно этого дела (т.е. определения целомудрия. — А.П.) совершили ужасную ошибку и прожили свои драгоценные жизни в заблуждении и невежестве. Каждый, кто следует подобному образу жизни, от жизни никакой пользы не добьется. В тексте ниспосланного божественного откровения¹⁰⁰ говорится: «Знайте, что жизнь ближайшая – забава и игра, и красование и похвальба среди вас, и состязание во множестве имущества и детей¹⁰¹». Значение этого [аята] они поняли так, что цель жизни в нашем мире, игры и удовольствия невозможны без разврата и запрещенных вещей. Так же как невозможно разбогатеть без нанесения обид, насилия, клеветы и сплетен о других людях. И тогда поневоле каждый, кто придерживается целомудрия, лишится этого, его нельзя будет считать [настоящему] живущим, и жизнь его пройдет напрасно и, согласно этому аяту («Разве вы думали, что Мы создали вас забавляясь и что вы к Нам не будете возвращены?¹⁰²»), она была получена. Какой же будет вздор, если человек наедине с луноликой красавицей посвятит себя уединению и не насладится возвышающим душу соединением с любимой, сказав себе, что я непорочен для того, чтобы подвергнуть себя клейму лишения, и, возможно, что ему за целую жизнь не представится такая возможность, и он умрет от печали, говоря: «Потеря возможности есть грусть». Того человека, о котором рассказывали, как о целомудренном, непорочном и владеющим собой, теперь называют ослиным задом, несчастным¹⁰³ и невозмутимым¹⁰⁴. Говорят, что глаза, уши, язык и другие части тела созданы для привлечения выгоды и борьбы с вредом. Сдерживание [проявления] особенностей каждой части тела влечет за собой ее бесполезность. Тогда, поскольку бесполезность органов не дозволена, каждый человек должен смотреть на то, что ему нравится, слушать то, что нравится, и произносить то, от чего зависят его интересы: низости, [слова], причиняющие мучения, клевету, кокетливые [речи], непристойные ругательства и ложные свидетельства. Если это причинило вред другим или у кого-то разрушился дом, на них нельзя обращать внимание. Эту мысль нужно сохранить в памяти. Все, что тебе приятно, делай и говори. Безотказно совокупляйся с тем, кого хочешь, чтобы жизнь не стала пятном на твоей совести.

Рубā'ū

Пока можешь, ищи очаровательную красавицу,

¹⁰⁰ Имеется в виду Коран.

¹⁰¹ Коран 59:19(20). Перевод И.Ю.Крачковского.

¹⁰² Коран 23:117(115). Перевод И.Ю.Крачковского.

¹⁰³ В издании Иқбāла, по-видимому, опечатка. Он дает слово «سنڊبور», у Атāбакй в этом месте слово «مندبور».

¹⁰⁴ Перевод по примечанию в издании Атāбакй.

Ищи проворную, приятную, изнеженную,

После того, как ее нашел, не давай волю душе,

Соверши половой акт и отпусти ее, [затем] ищи другую.

Говорят, что, если у господина или друга возникнет просьба к этому человеку, он должен без промедления и колебания согласиться, отказ ни в коем случае неприемлем, ибо [как сказано:] «Возможность проходит мимо, словно облака».

Бейт

Не откладывай дело с сегодняшнего дня на завтра,

Ты [ведь] не знаешь, что произойдет завтра.

И он [также] должен не налагать запреты на [свои] мысли, ибо «запрет есть кощунство» и считать ее [лишь] совершенным приобретением. И такое выходит наблюдение, что [если] любой человек, будь то мужчина или женщина, не будет совокупляться, то он станет несчастным и сгорит от беспомощности и отчаяния. И пришли они (современная аристократия. — А.П.) к решительному очевидному доводу, что со времен чистого человека Адама и до наших дней каждый человек, кто не совокуплялся, будь то эмир, вазир, богатырь, воин, убийца, богач, преуспевающий человек, шейх или проповедник, не станет известным. Доказательство правильности этих слов в том, что суфии называют совокупление «болезнью шейхов». Из истории до нас дошло [свидетельство], что Рустам, сын Заля, обрел столь огромное величие и доброе имя благодаря мужеложству, было сказано так:

Стихотворение

Когда великий герой, могучий Рустам, развязал пояс шальвар и спустил [их] до колен.

Палицу, словно червя, принес Хуман¹⁰⁵ тому человеку, как ему приказал Пйран¹⁰⁶

Так [Хуман] засунул ее в зад Рустама, что от раны, нанесенной ею, Рустам возбудился.

В другой раз Хуман оказался внизу, могучий [Рустам], подобно смелому льву,

Вставил ему тугой член так, что зад Хумана разорвался на куски.

¹⁰⁵ Хуман – герой «Шāх-нāма» Фирдаусй.

¹⁰⁶ Пйран – полководец царя Афрāсийāба, герой «Шāх-нāма».

Два воина с рваным задом стали среди богатырей избранными.

Ты тоже, брат, будешь достоин такого сильного витязя, если послушаешь мои слова

Ложись и подними зад вверх, покажи все свое искусство,

Которое заключается в том, чтобы каждый, кто приходит, совокуплялся с тобой, а сердце твое успокаивал бы сосанием члена.

Поскольку не останется навечно на свете тот, кто оставил о себе добрую память.¹⁰⁷

Также сказано:

Знай, что в совокуплении вечное счастье,

Но добивается счастья тот, кто дает.

Поистине, наши вельможи говорят о том, что испытали, и истина на их стороне. Ибо в самом деле стало известно то, что правильное существование не дает счастья. Мужчина, который должен давать и брать, в каком порядке должен это делать для того, чтобы его можно было называть великим и благородным с обеих сторон¹⁰⁸, а если его отец и мать вступали с ним в половую связь, его можно было называть знатным по отцу и матери. Хотя и некоторые простолюдины порицают тот [факт], что совокупление – искривленная щедрость и великодушие со стороны зада. Однако их слова не заслуживают доверия, и они не знают, что «щедрость к собственным чувствам – самая высшая щедрость». Каждый человек от несчастья теряет попусту возможность «давать», ключ к счастью [для них] станет потерянным и во веки веков в он останется в унижении и бедственном положении. Поэт о нем сочинил следующее:

«Оставляй, пока не будешь кусать себе локти по зубам, печь такая горячая, а хлеба не выпекла»

В отношении этого дела более чем достаточно того счастливого, который готов принимать советы. Пусть всевышний Бог поможет всем в добре и милости.

Глава четвертая. О справедливости

Отмененное учение

Знатные люди прошлого считали справедливость одной из четырех наук, и основа деяний земной и будущей жизни возложена на нее. Они были убеждены, что «Небеса и Земля стали

¹⁰⁷ Пародия на «Шāх-нāма».

¹⁰⁸ «كريم الطرفين» – человек, который является благородным со стороны матери и отца.

устойчивыми благодаря справедливости¹⁰⁹» и в том, что они уполномоченные [как сказано в Коране] «Поистине, Аллах приказывает справедливость, благодеяние и дары близким»¹¹⁰. На основании этого правители, эмиры, вельможи и вазирьы всегда проявляли усердие в распространении справедливости и исполнении крестьянами и воинами приказов, считая их причиной счастья и хорошей репутации. Они настолько были в этом убеждены, что [даже] простолюдины в торговле и взаимоотношениях стали действовать справедливо и говорили:

«Будь справедливым, поскольку в области сердца справедливый стучится в дверь Пророка».

Выбранное учение

Однако учение наших господ заключается в том, что такой образ жизни является самым плохим и что справедливость причиняет много вреда, и на него (на ее вред. – А.П.) они пролили свет посредством явных доказательств. Они говорят, что основой в деятельности государства, верховной власти (в городе. – А.П.) и управления деревней является главенство. До тех пор, пока человека не боятся, его приказы не будут выполняться, все станут одинаковыми. Такая основа отношений [между властью и подданными] приносит вред, и порядок будет нарушен. Того человека, который никоим образом не поступает несправедливо, никого не бьет и не убивает, не конфискует имущество, не пьянствует, не гневается и не кричит на подданных, народ не боится, а подданные не выполняют приказы царей. [Когда] дети и слуги не слушаются [своих] отцов и повелителей, дела страны и благочестивых людей обращаются в прах. Для того, чтобы [донести] этот смысл сочинили [стих]:

Цари ради своей выгоды убивают сотни людей.

[Аристократы] говорят: «Справедливость вызывает бедствие». Однако какое доказательство очевиднее, чем то, что иранские цари, такие, как Заххак Арабский¹¹¹ и Йездигерд Грешник¹¹², которые ныне удостоены места в аду, и последующие, пришедшие после [них], до тех пор, пока притесняли, их государство развивалось и царство бы процветающим. Когда же наступило время Хусрава Анушйрвана¹¹³, из-за слабости своих суждений и нерассудительности своих

¹⁰⁹ Цитата из хадисов.

¹¹⁰ Коран 16:92(90).

¹¹¹ В иранской мифологии змеиный царь, трёхглавый змей. В поздней традиции — враг царя Джамшйда, родом из Аравии; свергнув Джамшйда, завладел персидским престолом, но Фарйдун, сын Джамшйда, с помощью кузнеца Каве положил конец жестокому тысячелетнему правлению Заххака и заключил его в пещеру горы Демавенд.

¹¹² Йездигерд I – шахиншах Ирана (399-420/21). средневековые арабо-персидские историки, идя в русле зороастрийской традиции, ругают Йездигерда I, обвиняя его в жестокости, мстительности, неверчивости.

¹¹³ Шахиншах Ирана (531-579).

слабоумных вазиров [он] избрал справедливый образ действий. Вскоре купола его дворца пали (т.е. основы его государства. – А.П.), храмы огня, которые были их местом поклонения, в одночасье погибли, и их следы исчезли с лица земли. Повелитель правоверных, воздвигнувший основы веры, ‘Умар ибн Хаттаб¹¹⁴ (да будет доволен им Аллах), который был одарён справедливостью, делал кирпичи и ел ячменный хлеб, и, говорят, его одежда весила семнадцать манов¹¹⁵ [из-за многочисленных заплаток]. Му‘авийа¹¹⁶ посредством жестокости забрал государство из рук имама ‘Али (да почтит Бог лик его). Бухт ан-Нафр¹¹⁷ до тех пор, пока не убил двенадцать тысяч невинных пророков в Иерусалиме, не пленил несколько тысяч пророков, не отдал приказ повесить их, он не достиг [бы] такой высокой власти, и его государство бы не возвысилось в [этом] мире. Чингиз-хан¹¹⁸, который ныне на зло врагам в самом глубоком месте ада, первый и последний предводитель и руководитель [всех] монголов, до тех пор, пока не уничтожил безжалостно тысячи тысяч невинных людей, не мог установить своё царствование над землей.

Рассказ

Из истории монголов сохранилось предание, что, когда Хулагу-хан¹¹⁹ покорил Багдад, он приказал привести людей, которые уцелели от [монгольского] меча. Он спросил у всех об их положении [в обществе]. Когда он стал осведомлённым о положении каждого, он сказал, что ремесленники необходимы, отпустил их и позволил им заниматься своим делом. Торговцам он приказал давать ссуду, чтобы они для него занимались торговлей. С евреев, угнетенного народа, он довольствовался [взысканием] джазийи¹²⁰. Гермафродитов отправил в свои гаремы. Судей, шейхов, суфиев, паломников в Мекку, проповедников, ученых, каландаров, нищих, борцов, поэтов и сказителей отделил и сказал, что они излишки творения и вредят божьей милости. Приказал их всех утопить в реке и очистил мир от их скверны. Несомненно, что ближайшие девяносто лет царство было в руках его рода и их богатство постоянно приумножалось. Когда несчастный Абӯ Са‘йд¹²¹ начал волноваться о справедливости и поставил себя под знамя

¹¹⁴ ‘Умар ибн Хаттаб (правил 634-644) – второй праведный халиф, сподвижник пророка Мухаммада.

¹¹⁵ Ман – мера веса в Иране.

¹¹⁶ Му‘авийа ибн ‘Аби Суфйан (правил 661-680) – первый халиф династии Омейядов (661-750).

¹¹⁷ Навуходоносор II (правил 605 – 562 г. до н.э.) – царь Вавилонии. Исламская традиция знает его под именем Бухт-Нафсар, известна «эра Бухт Нассара». Это сатрап Сасанидского государства, он воевал с арабами, вторгся в Египет, а также изгнал 18 тысяч евреев и выбросил Тору в колодец.

¹¹⁸ Чингиз-хан (правил 1206–1227). – основатель и первый великий хан Монгольской империи.

¹¹⁹ Хулагу-хан (правил 1256-1265) – основатель династии Ильханидов.

¹²⁰ Подушная подать, которую в мусульманских государствах платили подданные-иноверцы.

¹²¹ Абӯ Са‘йд Бахадур-хан (правил 1317–1335) – последний независимый правитель династии Ильханидов (1256-1353).

справедливости, вскоре его могущество пришло к концу, и род Хулагу-хана и его старания были напрасны из-за намерений Абӯ Са‘ида. Несомненно, что:

Когда у человека время проходит напрасно,

Все, что он делает, оказывается бесполезным¹²².

Да будет милостив [Господь] к удачливым людям, которые [освободили] народ от гнета заблуждения справедливостью и указали истинный путь.

Глава пятая. О щедрости

Отмененное учение

Надежные повествователи преданий рассказывают, что люди в прошлом одобряли щедрость, воздавали благодарностью и прославляли того, кто был известен как наделенный этим свойством, и прививали это качество детям. Эти люди настолько были убеждены [в этом], что, например, если человек голодного кормил досыта, нагому – давал одежду, находящему в безвыходном положении – оказывал помощь, то он не стыдился этого. Они до такой степени преувеличивали это свойство, что, если кто-то следовал по этому пути (т.е. был щедрым. – А.П.), люди его восхваляли и вовсе его за это не порицали. Ученые для украшения памяти о нем создавали книги, а поэты сочиняли панегирики в их честь. Можно привести доказательства этой мысли из явных стихов Корана: «Кто придет с добрым делом, для того – десять подобных ему¹²³», «Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете расходовать то, что любите¹²⁴» и со слов Пророка передаю предание: «Щедрый не попадет в ад, хотя грешник попадет»¹²⁵. Один знаменитый [поэт] сочинил об этом бейт:

«[Чтобы стать] великим ты должен сердце связать с щедростью,

Пусть в кармане твоём будет [только] связка лука».

¹²² Бейт из Фирдоуси.

¹²³ Коран, 6:160(160), перевод И.Ю.Крачковского.

¹²⁴ Коран, 3:86(92), перевод И.Ю.Крачковского.

¹²⁵ Хадис, приписываемый Мухаммаду.

Выбранное учение

Поскольку наши вельможи по твердости убеждений и тонкости взгляда по сравнению с великими людьми прошлого совершенно исключительные, [они], насколько возможно, точнее размышляли на этот счёт, их лучезарный взгляд был осведомлён о недостатках этого пути. Поэтому они проявляли усердие в захвате имущества и [сохранении] свежести своих ощущений, и цитаты из Корана «Ешьте, пейте, но не излишествуйте¹²⁶» и «Поистине, Аллах не любит неумеренных»¹²⁷ сделали духовным главой своих земных дел и намерений. И ими (аристократами. – А.П.) было установлено, что крушение всех древних династий произошло из-за щедрости и мотовства. Каждый человек, который стал известен благодаря своей щедрости, больше никогда не находил покоя. Со всех сторон к нему направлялись алчные люди, и каждый лестью или под другим предлогом сдирал с него все, что тот имеет, и этот беспомощный искренний человек обманывается праздными словами этих людей, до тех пор, пока вскоре он не приводил все наследованное и заработанное [имущество] к гибели, а [сам] он не стал несчастным и бедным. И стал он идти по пути скупости, и сбежал от намерения стремящихся и настояния просящих в прибежище скупости. Он избавился от чужой головной боли, и стал проводить жизнь в изобилии и блаженстве. Говорят, что имущество равноценно жизни, и на его искание тратится вся дорогая жизнь. Неразумен тот человек, который тратит его, например, на одежду, питье, еду или отдых телом, либо чтобы другой [человек] забрал его и довел до гибели. Несомненно, если у вельможи есть имущество, то нельзя вытянуть и тысячью клещами монетку из его закаменелой руки. Представь, если все царства Индии и Рума были бы одним человеком:

«Если тот камень, которым выжимают масло маслоделы,

Положат на его живот, то он и ветра не испустит»

Этот бейт подходит этому образу действий:

«Сколько бы он не слышал слово «давать»,

Если будет умирать от спазмов в животе, то не испустит из себя даже ветра»

Сейчас имамы скупости, которых называют скупыми вельможами, написали об этом завещание [потомкам] и посвятили этому книги.

Конец перевода «Этики аристократии»

¹²⁶ Коран, 7:31(29), перевод И.Ю.Крачковского

¹²⁷ Коран, 6:142(141), перевод И.Ю.Крачковского

«Трактат об определениях, известный как десять глав»

Перевод

Благодарность и хвала Господу-Создателю, который дал роду человеческому дар речи и благословение названий, рассыпанных в роскошном цветнике, который начал речь словами «я самый красноречивый».

После этого:

По мнению мудрецов, доказано то, что нельзя помочь имеющим способности в овладении литературой и словесностью, хотя выдающиеся люди прошлого написали об этом множество книг. Я написал этот краткий трактат под названием «Десять глав» о текущем положении дел для руководства детям и уважаемым людям. Надеюсь, что неопытный человек, заучивая копию этой рукописи, получит огромное удовольствие.

Глава первая. Об этом мире и о том, что в нем есть

Мир – то место, где ни одно существо не может успокоиться.

Разумный – тот, кто не занят [делами] этого мира и его обитателями.

Совершенный – тот, кого не затрагивает ни печаль, ни радость.

Щедрый – тот, кто не стремится к обладанию чужим имуществом и высокому положению.

Человек – тот, кто доброжелателен к людям.

Мужчина – тот, кто говорит прямо.

Мысль – то, что без всякой пользы делает людей больными.

Ученый – тот, у кого не хватает ума заработать себе на жизнь.

Невежда – преуспевающий.

Знающий – бедный.

Великодушный – нищий.

Жадный – богач.

Не имеющий желаний – тот, кто стремится к науке,

преподаватель – их старший [стремящихся к науке],
его помощник¹²⁸ – страдающий (вследствие недостижимости для него науки. – А.П.).
Обиженный судьбой – фақїх¹²⁹,
чаша отказа – его чернильница,
то, что сломано – его қалам¹³⁰,
отданное в заклад – его книга,
недописанное – ее разделы,
грязное – его папка (фақїха. – А.П.),
Мать сна – его исследование.
Дом праздности – школа,
опустошенная и необработанная земля – ее вакфы¹³¹.
Уничтоженное – имущество вакфов,
попечитель вакфа – его носильщик (т.е. имущества, которое он уносит себе. – А.П.).
Стипендия, жалованье, средства к существованию – то, что не доходит до людей.
Грамота, освобождающая от податей – бесполезный клочок бумаги, приносящий беспокойство
людям.
Давление – письмо, которое правитель пишет своим наместникам и на которое они не
обращают внимания.
Остробородый – властелин, которого не слушают его наместники.

Глава вторая. О тюрках и их друзьях

¹²⁸ Му'їд – человек, который громко повторяет слова преподавателя, чтобы все присутствующие смогли услышать, а также повторяет слова преподавателя всем желающим во внеучебное время.

¹²⁹ Мусульманский правовед, знаток шариата.

¹³⁰ Тростниковое перо.

¹³¹ В мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

Йа'джудж и Ма'джудж¹³² – тюрки, которые пускаются в путь по стране,
ангелы, мучащие грешников в аду, – большая часть из них,
сплетник – их близкий друг,
голод – результат их [нашествия],
конфискация и раскол – их подарки,
столб мятежа – их знамя,
грабеж – их ремесло,
вождеделение – их имущество.

Внезапное землетрясение – тот момент, когда они пришли.

Накйр и Мункар¹³³ – два предводителя их войска, которые стоят по обе стороны, опираясь на жезл.

Работающий – управитель,

благо – его отставка.

Величайшая собака¹³⁴ – начальник городской стражи.

Самая маленькая собака¹³⁵ – его помощник.

Грабитель – посол.

Адское дерево – корм для их лошадей.

Кипяток (адский. – А.П.) – их напиток.

Беспечность – внезапное несчастье.

Несправедливый – правитель вакфов.

¹³² Это потомки двух братьев, сыновей Иафета [сына Ноя]. Они ростом в один араш (локоть), уши у них висят до земли. Спят на одном прикрываются другим. Попадая в мусульманские страны, пожирают все. Потому-то Бог и сказал: истинно, йаджудж и маджудж творят бесчестие на земле (Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке – М., Издательство Академии наук СССР, 1948)

¹³³ Ангелы, которые допрашивают человека в могиле о его жизненных делах и вере (С.172)

¹³⁴ Игра слов: другое значение – созвездие Большого Пса.

¹³⁵ Игра слов: другое значение – созвездие Малого Пса.

Заслуживающий быть убитым – городской сборщик податей.

Личный секретарь эмира – вор.

Счетовод – соучастник воров.

Перепел – воин.

Шакал – секретарь канцелярии.

Торговец – мошенник.

Мухтасиб¹³⁶ – дьявол.

Главный военачальник – обворовывающий амбары.

Ночная стража – те, кто ночью грабят, а днем у торговцев требуют плату.

Клеветник – секретарь дивана.

Глава третья. О судьбе и тех, кто имеет к нему отношение.

Судья – тот, кого все проклинаяют,

хлопковый комок – его чалма,

цветок тамариска – ее конец.

Помощник судьи – тот, у кого нет веры.

Защитник в суде – тот, кто превращает право в пустой [звук].

[Совершающий] правосудие – тот, кто никогда не говорит правду.

Посредник – тот, кем не доволен ни Бог, ни народ.

Представители судьи – группа людей, продающие показания до судебного процесса.

Надоедливый – слуга судьи.

¹³⁶ Человек, руководствующийся законами шариата и следящий за претворением в жизнь исламских моральных норм. Мухтасибы также обладали правом налагать за провинности различные виды наказания, а также выполняли полицейские функции.

Злосчастный народ – его [судьи] родственники.

Требующий золото – его [судьи] сотоварищ.

Рай – то, что они [судебные служащие] не увидят.

Дозволенная шариатом пища – то, что они не едят.

Имущество сирот и вакфов – те вещи, [обладание] которыми они считают для себя более допустимым.

Глаз судьи – чаша, которая ничем не наполняется,

вызывающие болезнь – последствия после нее (после чаши, т.е. после взгляда на судью. – А.П.).

Важный – его поденщик [судьи].

Повелитель ада – ждет его [судью].

Адская бездна – его место [судьи].

Дом огня – дворец правосудия,

гробница Дьявола – его порог (дворца правосудия. – прим. А.П.).

Адская пропасть, адский огонь, преисподняя, пламя – четыре ее стороны.

Взятка – помощник для несчастных.

Счастливый – тот, кто никогда не увидит лица судьи.

Скрытое винопитие – компания судьи.

Хаѣб¹³⁷ – осел.

Чтец Корана – ослиный зад.

Организатор торжеств – после отстранения бесстыжий мужик.

Преподаватель – дурак.

Проповедник – тот, кто говорит, но не делает [на практике].

¹³⁷ Хаѣб - мусульманское духовное лицо, проводящее пятничную молитву.

Приближённый – подхалим.

Лис – ученый или богослов, который состоит в свите эмиров и ханов.

Поэт – самодовольный алчущий [человек].

Глава четвертая. О шейхах и тех, кто относятся к ним

Шейх – Сатана.

Осленок – сын шейха.

Порок шейхов – проститутка.

Обман – слова, которые он [шейх] говорит об этом мире.

Искушение – то, что он [шейх] говорит о будущей жизни.

Неправильно употребленные слова – те, которые он говорит о познании (скорее всего мистическом. – А.П.).

Бред – его сон и сновидение.

Черти – его последователи.

Суфий – дармоед.

Последователь¹³⁸ обмана и лицемер¹³⁹ – его заместители.

Совершивший паломничество в Мекку и Медину – проклятье и мучение ему.

Глава пятая. Об уважаемых людях и их обычаях

Пустословие и нахальство – их сущность (уважаемых людей. – А.П.),

никчемность – их существование,

пустое – их скромность,

бессмысленность и глупость – их речи,

¹³⁸ Мурид – ученик, постигающий суфийскую теорию и практику у суфийского наставника.

¹³⁹ В издании Атāбакй: المرید والسالوس والرزاق, у Иқбāла: المرید والسالوس والرزاق. Предполагаю, что в издании Иқбāла опечатки, так как по смыслу у Атāбакй более близкий вариант.

порицание, корыстолюбие, скупость и зависть – их нравы.

Глупец – тот, кто желает им добра,

Несчастный и злополучный – всегда находится при них,

То, что уничтожено – их великодушие.

Исчезнувшие – их красивые поступки.

‘Анқā с Запада¹⁴⁰ – их справедливость и совесть.

Коварство, лживость, лицемерие, притворство и ложь – привычки вельмож.

Мудрость¹⁴¹ – болезнь вельмож.

Глава шестая. О ремесленниках и подходящих друзьях

Торговец – тот, кто не боится Бога.

Торговец тканью – грабитель¹⁴².

Меняла – мелкий воришка.

Портной – искусен в воровстве ткани¹⁴³.

Имам – продавец молитв.

Аптекарь – тот, кто хочет, чтобы все были больными.

Фальшивомонетчик – ювелир.

Врач – палач.

Лжец – звездочет.

¹⁴⁰ ‘Анқā = Сймурғ – мифическая птица, обитающая на горе Қāф. В суфизме ‘Анқā часто символизирует дух святого или самого святого, тогда как гора Қāф – место божественного присутствия. Эта птица известна по имени, но не имеет тела, и поэтому она также использовалась как метафора для небытия (Рассыпанное и собранное. Стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре — М: ООО «Садра»: Языки славянской культуры, 2015 – С.387)

¹⁴¹ У Иқбāла – الحكمة, у Атāбакй – الحكه

¹⁴² Расхождение в изданиях: у Атāбакй – گردنه زن, а у Иқбāла – گردن زن.

¹⁴³ Перевод по примечанию Атāбакй.

Злосчастный – предсказатель.

Борец – ленивый.

Содержатель бани – сборщик податей за совокупление.

Посредник в торговой сделке – базарный жулик.

Превосходный муж¹⁴⁴ – тот, кто не выговаривает звук «ф».

Воспитатель – евнух.

Старый раб – старый педераст.

Казвинец– и хитрец, и деревенщина¹⁴⁵.

Свинья – их глава (казвинцев. – А.П.).

Медведь – их старший.

Нищий – их правитель.

Доверенное лицо правителя – их амбар.

[Удар] палкой – то, что они заслужили.

Одна сотая [доля] – урожай, который не достигает [рук] правителя.

Жалоба – то, что приносят правителю.

Приверженец хайдарийи – увалень в цепях¹⁴⁶.

Паук – демон пустыни.

Педераст – кокетливый мужик.

Человекообразная обезьяна, курд, туркмены, халадж¹⁴⁷ и пьющий [вино]– настолько дикие звери, что скрываясь в пустынях или горах, стали похожими на людей.

¹⁴⁴ Игра слов: фāфā – превосходный, удивительный; тот, кто не выговаривает звук «ф», заика.

¹⁴⁵ В персидском фольклоре жителей Казвина высмеивали как глупцов, но способных оставить и других в дураках.

¹⁴⁶ Хайдарийа – суфийское братство, члены которого известны своей нищетой и самобичеванием посредством прокалывания тела железными кольцами, употребляя гашиш для того, чтобы не чувствовать боль.

¹⁴⁷ Тюркоязычный народ в Иране, либо люди из Аравии.

Вино – причина волнения.

Нарды, шāхид¹⁴⁸, свеча, орехи в сахаре – предметы, сопровождающие его [распитие] (вина. – А.П.).

Арфа, уд и флейта – музыкальные инструменты, [необходимые для его распития].

Шурпа¹⁴⁹ и кебаб – кушанья, [необходимые для его распития].

Лужайка и сад – место для его [распития].

Черный камень¹⁵⁰ – котел для него.

Яд – [распитие] вина натошак.

Свободный [от забот, труда] – пьяный.

Дурак¹⁵¹ – горе.

Свободный [от мирских стремлений] – опьяненный.

Неспособный [сделать что-либо] – пьяный.

Ангел смерти¹⁵² – бородатый виночерпий.

Соединение Марса и Сатурна¹⁵³ – двое пьяных целующихся бородатых мужчин.

Проворный – трезвый среди пьяных.

Забава – пьяный среди трезвых.

Самый важный господин – большой графин.

Крики – молитва, которую совершают пьяные [люди].

Ад – собрание толпы.

¹⁴⁸ Термин шāхид чаще всего был связан с любовью зрелого суфия к юноше, в котором он видел проявление божественной красоты (Рассыпанное и собранное. Стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре — М: ООО «Садра»: Языки славянской культуры, 2015 – С.333)

¹⁴⁹ Мясная рисовая похлебка.

¹⁵⁰ Камень, вделанный в один из углов Ка'абы и считающийся у мусульман священным.

¹⁵¹ Примечание Атāбакй: ظاهر المارغ به قياس الفارغ كه از كلمات مهمله است

¹⁵² Малак ал-маут – ангел смерти, который по приказу Аллаха забирает души умерших.

¹⁵³ Две планеты, якобы приносящие несчастье.

Театр – отрезание ушей, либо носа, либо губ.

Тщетная жизнь¹⁵⁴ – то, что даруют в опьянении и не передают в трезвости.

Отец отчаяния – бездонная чаша.

Разрушитель [всех] наслаждений¹⁵⁵ – рамадан¹⁵⁶.

Ночь предопределения¹⁵⁷ – ночь праздника.

Сатана, накликающий беду [человек], навязчивый человек – тот, кто делает подсказки, находясь возле шахматной доски или доски для игры в нарды.

Рай – общение с любимой¹⁵⁸.

Бедствие – встреча с соглядатаем.

Глава восьмая. О банге¹⁵⁹ и том, что к нему прилагается

Банг – то, что приводит в экстаз суфиев.

Шахматы – предмет, сопровождающий это (курения банга. – А.П.).

Бубен и тар¹⁶⁰ – музыкальные инструменты, которые сопровождают это.

Укромное место – место для этого.

Харйса¹⁶¹, халим¹⁶², плов и сладости – кушанья для этого.

Одеяние дервиша и ковер – одежда для этого.

Украшенный драгоценными камнями и благородный одновременно – тот, кто употребляет вместе и вино и банг¹⁶³.

¹⁵⁴ Вероятно, у Иқбала опечатка: вместо «معاش» – «مماش».

¹⁵⁵ Игра слов, хāдим ал-лаззāt – метафорическое название смерти или гибели.

¹⁵⁶ Девятый месяц в мусульманском календаре, во время которого мусульманам запрещается питье и еда в светлое время суток.

¹⁵⁷ Одна из ночей месяца рамадана, в которую, согласно мусульманским верованиям, был ниспослан Коран.

¹⁵⁸ Или любимым, так как в персидском языке отсутствует грамматическая категория рода.

¹⁵⁹ Индийская конопля, гашиш.

¹⁶⁰ Струнный музыкальный инструмент.

¹⁶¹ Вид супа.

¹⁶² Кушание из вареного мяса и молотой пшеницы.

¹⁶³ По-видимому, опечатка в издании Иқбала: «المرصع و الكريم الطرفين», у Атāбакй «المرصع و الكريم الطرفين».

Лишенный¹⁶⁴ – тот, кто не употребляет ни то, ни другое.

Попрошайка – распущенный куритель банга.

Глава девятая. О домашнем хозяйстве и том, что имеет к этому отношение

Холостой – тот, кто смеется в лицо миру.

Демон – сводница.

Несчастный – деревенский староста.

Двурогий¹⁶⁵ – тот, у кого две жены.

Несчастнейшие из несчастных – те, у кого [их] еще больше.

Негодяй и угрюмый человек – отец жены.

Сварливая и противная – мать жены.

Чужие – семья и жена.

Наиболее противные звуки – непрерывный шум, а также – говорят – некоторые звуки женского полового органа.

Пустая – жизнь деревенского старосты.

Потерянная – его судьба.

Утрата – его имущество.

Расстроенные – его мысли.

Горькое – его удовольствие.

Дом, где еще носят траур – его дом.

Домашний враг – ребенок.

Несчастливый – тот, кто окажется плененным девушкой.

¹⁶⁴ В издании Иқбала, видимо, опечатка – «خروم», у Атāбакī – «محروم».

¹⁶⁵ Зў-л-қарнайн (араб. букв. Двурогий) – упоминаемый в Коране праведный царь, воздвигший стену, защищающую от народов йа'джудж и ма'джудж. Его прототипом, по мнению многих исследователей, был Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.), легенда о котором частично проникла в коранический текст.

Противник – брат.

Родственник – враг жизни.

Обремененный многочисленной семьей – подвергший себя несчастью.

Поцелуй – посредник совокупления.

[Обладание] домашним хозяйством – вечером неприятный запах, а днем кислое лицо.

Раскаяние и бедность – следствие этого (обладания домашним хозяйством. – А.П.).

Похоть – дом в представлении мужчины и женщины.

Муж, находящийся под башмаком жены, – тот, который слушается женщин.

Несчастный – тот, у кого старая жена.

Обманутый муж – старик, у которого молодая жена.

Баран с большими рогами и рогоносец – тот, жена которого читает поэму «Вис и Рамин¹⁶⁶».

Развод – его исцеление (мужа. – А.П.).

Радость после несчастья – сказать три раза «талāқ¹⁶⁷».

Одна беда за другой – мать жены в доме.

Смерть и война – медленный слуга.

Дерзкая – та, которая очень много совокупляется.

Надменный, горделивый, наслаждающийся жизнью, тонкий – цветущий безбородый отрок.

Сгусток крови – молодой, пригодный в деле.

Способ – древний.

Пассивный педераст – зловонный осел, который бреет бороду.

Гермафродит – достигший совершенства.

Бедняк – пассивный педераст.

¹⁶⁶ Поэма Фахр ад-Дйна Гургāни (XI в.), в основе сюжета которой лежит адюльтер.

¹⁶⁷ Особая формула развода, трехкратное ее произнесение дает окончательный развод.

Угнетаемый – мальчик, с которым совершают половой акт, но не дают ему денег.

Любовь – работа бездельников.

Обманутый [в цене] – влюбленный без денег.

Скромный – обедневший.

Презренный – должник.

Смерть, находящаяся на пороге, – нужда.

Сила спины – золото и серебро (возможно, чтобы больше унести на спине денег. – А.П.)

Несчастный – тот, у кого затраты выше доходов.

Гора Ухūd¹⁶⁸ – бремя шариата.

Глава десятая. О сути мужчин и женщин

Хātūn¹⁶⁹ – та, у которой много возлюбленных.

Хозяйка дома – та, у которой их меньше.

Чистая – та, которая довольствуется одним влюбленным.

Супруга – та, которая совокупляется бесплатно.

Благодетель – тот, кто ласкает старуху во время совокупления.

Бедная – та, которая желает незнакомых.

Придворная женщина¹⁷⁰ – та, которая хочет, чтобы [ей вводили член] в задний проход.

Госпожа – та, которая не может насытиться совокуплением.

¹⁶⁸ Священная гора на севере Медины. Гора знаменита тем, что возле неё 23 марта 625 года состоялась битва между мединскими мусульманами во главе с пророком Мухаммедом и язычниками-курайшитами во главе с Абū Суфйāном. В этой битве мусульмане потерпели поражение, около 70 сподвижников Мухаммеда были убиты, в том числе и дядя пророка Хамза ибн 'Абд ал-Мутталиб. Мухаммед ежегодно приходил к Ухūду с целью посетить могилы своих друзей.

¹⁶⁹ Женский титул, аналогичный мужскому титулу «хан», широко использовавшийся в Тюркском каганате, Монгольской империи и Османской империи. Приблизительно соответствует западным титулам «императрица», «царица», «королева».

¹⁷⁰ Армūk – придворная женщина во времена монгольского владычества, в чьи обязанности входили приготовление пищи, а также развлечение правителя. Со временем, возможно, они стали участвовать в политических интригах.

Благородная с обеих сторон¹⁷¹ – женщина, позволяющая вводить член в задний проход.

Борода – предлог задумчивых.

Онанизм – покровитель бедных.

Повторяющееся – разрешенное [по шариату] совокупление.

Прелюбоддеяние – несчастье.

Ослиный мозг – еда, которую женщины готовят ради мужей.

Ящерица – часть ноги [от щиколотки до колена] незнакомой женщины.

Девственница – девушка, которая не имеет опыта совокупления.

Девственность – слово, которое ничего не значит.

Бесславный – влюбленный, который первый раз достигает возлюбленной, но у него эрекция отсутствует.

То, что следует отрезать, – его член.

Райское блаженство – тот [момент], когда [человек], закрыв глаза, по памяти онанирует на юношу или девушку.

Влекущая состояние нечистоты после совокупления – труба бани.

Находящийся в агонии – юноша, у которого должна появиться борода.

Мертвец – появившаяся борода¹⁷².

Борода – указ на вечное отстранение.

То, о чем следует плакать – состояние красивого юноши, когда у него начала расти борода.

Сводник – приближенный правителей.

Достойный благодарности – его труд.

Этот краткий трактат завершился словом «достойный благодарности». Прошу прощения у Бога за то, что предшествовало моему қаламу.

¹⁷¹ Игра слов, наджйб ал-тарафайн – благородный по отцу и по матери.

¹⁷² Больше пользовались спросом безбородые юноши.

Список использованной литературы

- 1) Бертельс Е.Э. Очерк истории персидской литературы. – Л.: Издание Ленинградского института имени А. С. Енукидзе, 1928. – 211 с.
- 2) Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. – 477 с.
- 3) Брагинский И.С. Из истории персидской и таджикской литератур. – М: Наука, 1972.– 524 с.
- 4) Дорри Дж. Персидская сатирическая проза. – М: Наука, 1977. – 218 с.
- 5) Раджабов М. Мироззрение Убайда Зокони. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. - 115 с
- 6) Рейснер М.Л. Эволюция классической газели на фарси (X-XIV века). – М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 – 224 с.
- 7) Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. – М: Прогресс, 1970 – 418 с.
- 8) Тамимдари Ахмад. История персидской литературы. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.
- 9) Arberry A.J. Classical Persian Literature. – London: George Allen & Unwin, 1958. – 472 p.
- 10) Browne: Browne E.G. A Literary History of Persia. In four volumes. Vol.3. The Tartar Dominion (1265-1502). – London: Fetter Lane Press, 1928. – 653 p.
- 11) Meneghini. D. Obaid Zakani // Encyclopaedia Iranica. [Electronic resource]. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/obayd-zakani> Проверено: 31.05.2018.
- 12) Obeyd-e Zakani. The Ethics of the Aristocrats and Other Satirical Works, translated from Persian by Hasan Javani. – Piedmont: Jahan Book Co, 1985. – 137 p.
- 13) The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol.6 – Leiden: E.J.Brill, 1990. – 1044 p.
- 14) Āzar Luṭṭf ‘Alī-bek. Аташкада (Храм огня). — Тегеран, 1347/1968. — 642 с.
- 15) Хакīmāзар Муҳаммад. Услўб ва сāхтār-и аҳлāқ ал-ашрāф (Манера изложения и структура «Аҳлāқ ал-ашрāф»). // Адаб пажӯхӣ, осень 2011 г. №17.– С.89–120.
- 16) Зākānī ‘Убайд. Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākānī (Полное собрание сочинений ‘Убайд-и Зākānī). — Тегеран: Интишārāt-и китāбфурӯшӣ-йи заввār, 1342/1963. – 367 с.
- 17) Зākānī ‘Убайд. Куллийāt-и ‘Убайд-и Зākānī (Полное собрание сочинений ‘Убайд-и Зākānī). – Тегеран: Заввār, 2017. – 548 с.
- 18) Зākānī ‘Убайд. ‘Ушшāқ-нāма (Книга влюбленных). – Тегеран, 1314/1935. – 47 с.
- 19) Зākānī ‘Убайд. Мунтахаб-и лаṭāйиф (Избранные рассказы). – Стамбул, 1303/1886. – 129 с.

- 20) Мустафӣ Ҳамдаллаҳ. Та’риҳ-и гузйда (Избранная история). – Тегеран, 1336/1957.– 816 с.
- 21) Самарқандӣ Даулатшāх. Тазкират аш-шу‘арā (Антология поэтов). – Тегеран, 1301/1884. – 642 с.
- 22) Сафā Забйхуллāх. Тārйх-и адабийāt дар йрāн (История литературы в Иране). Т.3. – Тегеран. – 1373/1994.